

Б Е Н Г Э Л Л И

ГОНКА ЗА СМЕРТЬЮ

Квинтэссенция жанра grimdark...
Причудливое мироустройство напоминает
«Сагу об Элрике» Муркока.
Grimdark Magazine

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Бен Гэлли

Гонка за смертью

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Гэлли Б.

Гонка за смертью / Б. Гэлли — «Эксмо», 2018 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-188571-7

Книга от отмеченного наградами романиста Бена Гэлли. Первая книга мрачной эпической фэнтези-трилогии, вдохновлённая египетской мифологией, действие которой происходит в гигантском мегаполисе. Произведение, полное изощрённых сюжетных поворотов, чёрного юмора и магии смерти. ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С КЕЛТРО БАЗАЛЬТОМ. МАСТЕРОМ ФОМКИ И ОТМЫЧКИ, ЭГОИСТИЧНЫМ УБЛЮДКОМ И, С ПЕРВОЙ НОЧИ В АРАКСЕ, ХЛАДНЫМ ПОКОЙНИКОМ. Аракс называют Городом Бесчисленных Душ, колоссальным бриллиантом Арктианской империи, и всё, что требуется, чтобы им править – владеть максимальным числом душ мертвецов. Ибо в Араксе мёртвые после смерти не покоятся в мире, но продолжают жить рабами богачей. В то время как Келтро борется за выживание, окружающие рвутся к императорскому трону в кровавой борьбе за власть. Мёртвые боги шепчут из уст трупов, похититель душ пытается создать себе имя с помощью древнего культа, принцесса действует против императора, а убийца намерен любой ценой добраться до Аракса. И ТОЛЬКО ОДНО НЕИЗМЕННО В АРАКСЕ. СМЕРТЬ – ЛИШЬ НАЧАЛО. «Отличное начало трилогии, обязательно продолжу её читать. Уникальный стиль замечательные персонажи». – Николас Имс, автор романа «Короли жути» «"Гонка за смертью" Бена Гэлли великолепна. Лучшее, что я прочёл за год!» – Дэвид Эстес, автор романа «Fatemarked» «Уникальный и завораживающий взгляд на загробную жизнь. Абсолютно блестяще!» – Майкл Р. Флетчер, автор циклов «Manifest Delusions» и «Obsidian Path» «Квинтэссенция жанра grimdark... Причудливое мироустройство напоминает "Сагу об Элрике" Майкла Муркока». – Grimdark Magazine «Плавно, гладко и красиво написано... потрясающая атмосфера». – The Weatherwax Report «Гэлли создал увлекательный мир, который полон историй». – Fantasy Book Review «Темно, кроваво и завораживает». – Cultured Vultures «Угрожающе зловещий, в

мрачных тонах, пронизывающих всё насквозь». – Fantasy Fraction «Отличная первая книга трилогии, завершения которой я жду с нетерпением». – Novel Notions «Мрачно, напряжённо и удивительно смешно». – Лаура М. Хью, автор романа «Danse Macabre»

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-188571-7

© Гэлли Б., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Догматы о подневольных мертвецах	8
Прелюдия	9
Глава 1. Прибытие и отбытие	11
Глава 2. Ритуалы	18
Глава 3. Психология толпы	23
Глава 4. Оазисы	30
Глава 5. Рынок душ	40
Глава 6. Ее время	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Бен Гэлли

Гонка за смертью

Ben Galley
Chasing Graves

© Ben Galley 2018. All Rights Reserved

© М. Головкин, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

«Эта книга – художественное произведение, но некоторые художественные произведения, возможно, содержат в себе больше правды, чем предполагал автор. В этом и заключается магия».

Аноним

Посвящается Рейчел

Догматы о подневольных мертвецах

Они должны умереть в смятении.

Они должны быть заколдованы с помощью половины медной монеты и воды Никса.

Они должны быть заколдованы в течение сорока дней.

Они в неволе у тех, кому принадлежат их монеты.

Они – рабы, и выполняют волю своего господина.

Они не должны причинять вреда своим господам.

Они не имеют права выражать свое мнение и владеть имуществом.

Они не обретут свободу, если она не будет им дарована.

Прелюдия

Последние капли воды – грязные стеклянные бусины – дрожали на горлышке фляги, отказываясь стекать. Она встряхнула флягу и поймала одну каплю пересохшим языком, а остальные упали на раскаленный песок и зашипели. Она смяла оловянную флягу в руке.

День был похож на раскаленную печь, и он твердо вознамерился ее поджарить.

Раздраженно зарывчав, она посмотрела на мертвых существ.

Одно из них было значительно больше другого – лошадь. Одна из ее ног вывернулась под неестественным углом; сквозь пегую шерсть торчали обломки кости. Каштановые глаза лошади выкатились наружу и помутнели от жары.

Другой труп – поменьше, размером с человека, был замотан в кожаный мешок и связан прочной веревкой. Конец веревки она привязала к своему поясу.

Оба трупа уже начали смердеть.

Женщина еще раз окинула взором горизонт, размытый из-за жары. Он выглядел так же, как и в прошлый раз. Под непреодолимым синим небом раскинулся бесконечный, безликий золотой ковер дюн: недостижимый перевернутый океан манил, издевательски приглашал нырнуть в его глубины.

Солнце стояло высоко над головой, нагревало ситцевую рубаху женщины и белый кожаный капюшон, который не давал лучам запечь ее мозги. Завершали костюм натертые золой кожаные штаны, черные перчатки и сапоги.

Когда она уже не могла оставаться рядом с трупами, она заставила себя встать. Почему-то при этом она почувствовала, что ей стало еще жарче. Веревка, привязанная к ее поясу, натянулась. Женщина двинулась вперед. Ей нужно преодолеть еще много миль. Слишком много.

– Твои похороны.

Слова были искаженными, неопробованными. Он наконец-то нарушил тишину. Она не соизволила посмотреть на него, но холодный ветерок подсказал ей, что он рядом. Она никогда бы не призналась в этом вслух, но сейчас она мечтала о том, чтобы он подошел поближе – просто чтобы на миг избавить ее от жары.

– Я говорю, это твои...

– Я все слышала, старый козел. Возвращайся к своим размышлениям.

Переход по пустыне – не веселая прогулка по большим дорогам великого Аракса. Каждый шаг становился выпадом в поединке между ее решимостью и пустыней. А решимости у нее было в избытке. Она сосредоточила свое внимание на задаче. С трудом продвигаясь вперед, она сжимала какой-то комок на груди – монету, висевшую на цепи под рубахой.

За спиной у нее раздавались пустые угрозы:

– Твой труп найдут рядом с моим. Он раздуется на солнце, и вся твоя легендарная красота сгорит без следа.

Еще шаг. И еще. И еще.

Он усмехнулся. Его голос еще не сформировался, и поэтому смехок вышел влажным, хриплым. Она крепко сжала веревку потрескавшимися руками и дернула.

– Твое тело уволокут прочь, словно кусок жучиного мяса, который пролежал неделю – так же беззастенчиво, как ты сейчас обращаешься с моим.

Женщина резко развернулась.

– МОЛЧАТЬ!

Инстинктивно она потянулась к его горлу, но ее пальцы сжали только лишь холодный туман.

Он отступил назад; на его голубой шее не осталось ни следа – если не считать прерывистого, зазубренного шрама от удара ножом, которым она отняла у него жизнь. Шрам сиял ярче, чем другие кружащиеся струйки пара; его края казались почти белыми.

– Ты что-то забыла?

Он улыбнулся; эта мерзкая ухмылочка слишком часто появлялась на его лице, пока он был жив. Она надеялась, что улыбка умрет вместе с его телом, но, увы, этого не произошло.

– А ты ничего не забыл? – Женщина похлопала по висевшему у нее на поясе медному кинжалу.

– Ты не посмеешь убить меня дважды! – оскалился он, грозя ей пальцем.

Она потянула за рукоять кинжала. Медный клинок блеснул на солнце.

– Скажи еще что-нибудь, тогда и узнаем, что я посмею сделать.

Остроумного ответа, как и едких, наполненных ненавистью, слов, не последовало. Призрак отступил и, мрачно ухмыляясь, поплелся за своим трупом, который женщина бесцеремонно тащила между дюнами.

Женщина потянула за капюшон, чтобы закрыть лицо.

– Видишь? С тобой всегда было приятнее общаться, когда ты держал рот на замке.

Глава 1. Прибытие и отбытие

Королевством будет править тот, кто владеет наибольшим числом теней.

«Указ Фазры, императора Арка», 916 лет назад

Когда вместо теплого приема город бросает на тебя кровожадную толпу, ты можешь подумать, будто сделал что-то не то. Возможно, ты убийца или еретик. Быть может, ты распространяешь заразу или задолжал пару серебряных монет людям, которым неведома совесть.

Да, конечно, я вор, но не убийца. Религия в моей стране, как и в этой, умерла давным-давно. Я ничем не был болен, а мои счета, хотя и скромные, были в порядке. Бешено оглядываясь и, словно гончая, брызгая слюной на куртку, я пришел к выводу, что в эту ночь я стал чьей-то жертвой только по одной причине. Я просто зашел не на ту пристань и не в то время суток в городе, где над законами смеются, а власть принадлежит преступникам.

Невиновность придает сил не больше, чем вина.

Двумя часами ранее

– Давай, давай, давай...

Кража со взломом – сложное дело, состоящее из многих этапов, и на каждом из них твое сердце бешено бьется, с тебя течет пот, и ты сжимаешь губы от напряжения. С того момента, когда ты начинаешь взламывать главные ворота, до той секунды, когда ты выбегаешь из них с охапкой добычи, ты находишься под давлением, и бороться с ним ты учишься много лет. Именно эта способность отделяет неумех от настоящих замочных мастеров.

Я принадлежал к числу последних.

– Мм-мм!

Но даже у самого опытного взломщика может быть неудачный день. Иногда стресс одолевает человека, заставляет его напрягаться там, где не надо. А затем человек начинает думать о песке, который течет в песочных часах, и напрягается еще больше.

– Ну давай же, твою мать! – воскликнул я и натужился снова.

Я. Лучший замочный мастер и вор в Дальних Краях, зажался, словно желторотик. Утешало только то, что меня подвели не мои пальцы, славящиеся своим проворством, а моя упрямая задница. От напряжения никакой пользы, если нужно наложить кучу в сейфе какого-то идиота.

– Проклятье!

Я чуть приподнялся – в надежде, что это мне поможет, и снова сосредоточился на своей задаче.

Наградой за усилия мне стал первый пердеж, предвещающий все остальное. Я присел на корточки, почувствовал, как мои кишки расслабляются, а затем что-то шлепнулось на папирус. Я подтерся лежавшей рядом бархатной тканью и натянул на себя штаны.

Перед тем как захлопнуть дверцу сейфа, я взглянул на свои испражнения и невольно поморщился. В сейфе лежали какие-то бумаги – официальные документы, если судить по частично стершейся позолоте по краям и роскошным вензелям, но теперь они были тщательно осквернены. Возможно, это было даже слишком жестоко. В свою защиту я должен заметить, что в последнее время корабельный кок часто готовил похлебку из солонины. Кроме того, старая ведьма, которой принадлежал сундук, в течение всего рейса обращалась со мной, как с каким-то землепашцем из Скола. Она сама виновата, что у нее нечего украсть.

Я пожал плечами, затягивая ремень. Вот будет ей сюрприз. Надеюсь, она едет на какое-то семейное торжество.

Резко двигая двумя тонкими отмычками, я снова запер сейф. Инструменты я разобрал на части и засунул их в потайные карманы за подкладкой моего пальто. Одну отмычку я оставил, чтобы благодаря ей замок сработал, когда дверь закроется. Тогда мне не придется, словно новичку, возиться с ним, стоя в коридоре.

Дверь с приятным щелчком захлопнулась у меня за спиной, и я беззаботно и неторопливо пошел прочь. Увидев отороченные мехом сапоги и бархатное пальто – по лестнице спускалась моя жертва – я с трудом удержался от ухмылки. Я остановился у лестницы; моя радость усиливалась, превращаясь в вежливую улыбку. Женщина, как всегда, фыркнула и отвернула голову, словно от меня воняло фермой.

Ее худощавый, одетый в кожу телохранитель следовал за ней по пятам. Он неодобрительно посмотрел на меня.

– Моя госпожа, – сказал я, глядя в ее глаза – серо-голубые, как у многих сколов.

– Снова ты. И, как всегда, подкрадываешься. – Презрительно вздернув верхнюю губу, она продемонстрировала свое отвращение ко мне, толкнув меня в грудь. Ее охранник оттеснил меня, а я вдруг страшно порадовался тому, что наконец-то нашел на корабле замок, который можно взломать – даже при том, что на это ушло три долгих недели. Подняв воротник пальто, я бодро выбежал по лестнице на верхнюю палубу.

С тех пор как мы прошли Разбросанные острова, воздух стал чудовищно горячим, и я подошел к фальшборту, чтобы заменить пот на моем лбу более прохладными каплями морской воды. Опираясь на ограждение, я слушал, как мяукают чайки над головой и как волны бьются о нос корабля. Впереди половину горизонта занимала долгожданная цель моего путешествия, Город Множества Душ.

Аракс, отделенный от нас водными просторами, был похож на огромную колонию морских ежей, которую кто-то оставил посреди жаркой пустыни. Сказать, что город огромен – значит, вообще ничего не сказать. Затянутые дымом доки и пристани протянулись вдоль берега на много миль, а за многочисленными складами ввысь тянулись шпили и пирамиды – все остроконечные, кроме одной мощной башни, которая подпирала небо, словно колонна. Над ее вершиной тянулись оранжевые облака. Даже сейчас, когда я был в море, мне приходилось вытягивать шею, чтобы все разглядеть.

Небесная Игла была полторы мили длиной у основания, а ее высота была раза в два больше. О долгой истории ее строительства рассказывали полосы цветных камней. В течение многих десятилетий башня уходила все выше в небо, превращаясь в острие, которое сверкало, словно алмаз. На самой верхушке острия, в бронированном убежище, поселился император Арка – весьма разумное решение, если все твои подданные мечтают тебя убить.

Ходили слухи, что если Небесная Игла когда-нибудь рухнет, то небеса упадут вместе с ней. Я посмеялся над этой историей, когда услышал ее в первый раз за кружкой пива в какой-то таверне – а сейчас фыркнул, вспомнив ее. Да, башня была огромной, но сомнение аркийцев уступало по размеру разве что их туго набитым кошелькам, а в ходе своего первого визита в Аракс я не собирался подкармливать ни то ни другое.

Солнце балансировало на леере, и это означало, что мы опаздываем. Как только я поднялся на борт этого проклятого корабля, мне показалось, что его капитан – лжец, и чутье меня не обмануло. Я дал ему пару серебряных монет сверх оговоренной платы – за то, что он доставит меня в порт до захода солнца; так же, несомненно, поступили многие другие пассажиры. И все же, несмотря на его многократные заверения, мы, похоже, придем в порт уже ночью. Надо было дать ему две пары монет или сесть на другой корабль, который шел на запад. Или выбрать судно, название которого получше, чем «Маринованный лосось».

Я бросил взгляд на капитана. Большую часть дня он проводил в горизонтальном положении: растянувшись на палубе рядом со штурвалом, он, зевая, подергивал привязанную к большому пальцу ноги веревку, которая удерживала на месте штурвал. Я не люблю насилие и обладаю бесконечным запасом терпения – в моем ремесле терпение окупается сторицей – но в тот миг мне страшно хотелось выбросить жирного ублюдка за борт. У Аракса не зря было еще одно название – Город Множества Дверей. В городе, где можно прикончить человека и продать не только имущество мертвеца, но и его призрак, убийцы процветают. На улицах Аракса после захода солнца было небезопасно: их патрулировали не законники и не солдаты, а бандиты и те, кого аркийцы любовно называли «душекрадами». И дело даже не в том, что у них нет законов – просто следить за их выполнением в таком огромном городе невозможно. Я обливался потом. Я много лет держался подальше от Арка; мне не хотелось работать в городе, жители которого славятся своей кровожадностью и коварством. Как говорят воры Дальних Краев, аркиец платит не серебром, а сталью.

Пока солнце опускалось в Беспокойное море, небо слева от меня стало лиловым, словно синяк. В гавани вспыхнули огни кораблей, а вскоре и в самом городе зажглось великое множество масляных ламп, и когда наше судно вошло в оживленный порт, дома из саманного кирпича и песчаника светились почти так же ярко, как и днем. Я с легким ужасом подумал о том, сколько китов нужно убить каждый год, чтобы удовлетворить потребность города в китовом жире. В трех днях пути от Красса мы встретили пару китобоев, и сейчас я хмурился так же, как и тогда, когда смотрел на них.

Пока я нетерпеливо расхаживал от одной мачты к другой, к нам подошла шлюпка, и на борт поднялись портовые стражники в доспехах, чтобы допросить пассажиров. Их вопросы были стандартными. Отвечая на них, я, как всегда, врал. В моем ремесле не следует повторять одну и ту же ложь – даже чужаку, а я всегда отличался удивительным воображением. В другой жизни я, возможно, продал бы тысячи свитков, на которых записаны мои враки. Но это был бы какой-то другой Келтро Базальт, а сейчас меня больше всего беспокоило инкогнито данного Келтро.

Я назвал им свою настоящую фамилию. Кроме нее, правдой в моих словах было только то, что у меня дела в Небесной Игле. Стражники недоверчиво фыркнули, но я показал им папирус, который появился у меня на пороге почти два месяца назад. Я чуть было не споткнулся об этот проклятый свиток, когда с похмелья выходил из своего жалкого жилища. Документ содержал в себе лишь горстку слов, написанных зелеными чернилами:

Господин Базальт!

Вас хотят видеть в Небесной Игле по вопросам, связанным с работой. Покажите эту печать, и вас впустят.

Итейн.

Ни черная восковая печать с кинжалами и пустынными розами, ни имя «Итейн» ничего мне не говорили, но послание выглядело достаточно официальным и интригующим, чтобы заманить меня в Аракс – несмотря на очевидные опасности, подстерегавшие меня в этом городе. В свое время я имел дело с разными важными персонами, а некоторых из них обворовывал, но мне ни разу не приходилось общаться с обитателями Небесной Иглы. Словно стервятник, привлеченный падалью, я продал свою комнату со всем ее содержимым, купил новое пальто и сел на корабль, капитан которого обещал доставить меня в Аракс по минимальной цене. Это никак не было связано с тем фактом, что я уже несколько месяцев сидел без работы, и пыли в моих сундуках было больше, чем серебра. Это было вообще никак не связано с тем отчаянным положением, в котором я оказался, и я не уставал напоминать себе об этом в течение всего путешествия.

Папирус, видимо, произвел впечатление и на стражников, и они направились к следующему пассажиру. После этого я еще целых полчаса топал ногой и поглядывал на заходящее солнце; в конце концов все формальности были улажены, и корабль получил разрешение войти в порт. Как только стражники покинули корабль, тучный капитан пробудился, нашел пустое якорное место и втиснулся в него. Несколько пассажиров разразились радостными воплями, а остальные беспокойно сжали зубы, кулаки или сфинктеры или, как я, все сразу одновременно.

Пока корабль полз к причалу, я разглядывал порт и похожие на пчелиные соты улочки, которые вели в город. Я заметил несколько десятков тускло светящихся призраков – они были заняты работой – но ни одного живого, если не считать нескольких скучающих надзирателей. Шумели волны, издали доносился гул заводов, но я не слышал ни воя уличных банд, ни воплей их жертв. Ничто не подтверждало те жуткие слухи, которые мне рассказывали про Аракс. На самом деле, меня беспокоило только одно – ошеломляющие запахи рыбы и смолы. Мое сердце чуть-чуть успокоилось.

У меня за спиной собрались другие пассажиры. Кто-то из них громко жаловался на капитана, но тот, не обращая ни на кого внимания, сосредоточился на управлении кораблем. Многие пассажиры, похоже, совсем не волновались, и неудивительно – ведь их сопровождали телохранители. Остальные не следили за тем, что происходит, поскольку были слишком наивными или тупыми – или иностранцами. Торговцы деловито обменивались жесткими листами папируса, а крассы – мои соотечественники – уже слишком набрались и поэтому тратили все силы на то, чтобы стоять прямо и не блевать, пока корабль враскачку подходил к причалу. Они, коренастые и мускулистые, потели в своей меховой одежде и, похохатывая, переговаривались на нашем грубом языке. Возможно, они не знали о том, как опасен ночной Аракс – а может, им было плевать. Они, в отличие от меня, были высокими, широкоплечими и сильными, а я, если честно, широк только в одном месте – в поясе. Мне вдруг захотелось прибиться к их компании – ради собственной безопасности – но мрачная физиономия одного из крассов подсказала мне, что они не считают меня своим соотечественником.

Я в последний раз поймал взгляд старой ведьмы-сколки. Ее гримаса была не более угрюмой, а взгляд – не более высокомерным, чем обычно, и поэтому я был готов биться об заклад, что свой сейф она еще не открыла. Если глаза меня не обманывали, ее телохранитель сейчас прижимал этот сейф к груди. Впервые я увидел, как его обычно бесстрастное бледное лицо перекошилось от натуги. Я бы рассмеялся, если бы не стук корабля о пристань, если бы не темные, молчаливые улицы.

Я еще раз взглянул на лиловое небо, на слабые останки заката и сплюнул себе под ноги.
– Да пошло оно все.

Пока моряки гнали отстающих к фальшборту, я нашел брешь в их цепи, и в несколько прыжков поднялся по засаленной лестнице на ют.

Капитан все еще сидел, развалясь, на своем стуле. Заметив меня, он вяло пробормотал какой-то приказ, чтобы показать, как он занят.

– Вяжите канаты, неблагодарные псы! В чем дело, пассажир? У меня много дел.

– Господин, вы обещали, что корабль придет в порт днем, а сейчас уже ночь. Вы не хуже меня знаете, как опасен город после захода солнца. Поэтому я и не заплатил вам сверху.

Мои слова заставили его принять вертикальное положение, и он замахал своими пухлыми руками, гоня меня прочь.

– Это невозможно! Я и остальным так сказал. Сейчас на «Маринованном лососе» идет уборка, а затем мы возьмем груз и на рассвете выйдем в море. Прилив никого не... – Внезапно он прервал свою болтовню и зевнул. – Ну, ты понял.

Откуда-то из глубин доков донесся жуткий вопль. Я подошел к капитану вплотную, и на секунду мы замерли, едва не соприкоснувшись животами – мой, к счастью, не шел ни в какое сравнение с его брюхом. Пассажиры одобрительно забормотали.

– Даю еще одну серебряную монету за самую маленькую каюту. Я уйду до восхода солнца. Ему хватило дерзости толкнуть меня. Если бы не поручень, Аракс получил бы меня еще до того, как я вышел на его настил.

– Я же сказал – нет! Фарн, выведи этого пассажира с моего корабля.

– Слушаюсь, – отозвался какой-то мрачный матрос.

Мозолистые руки вернули меня к ждущей толпе.

– Две монеты! – крикнул я, но все было тщетно.

Как только трап заскрежетал по причалу, я, расталкивая всех остальных, бросился прочь, чтобы стать вторым из тех, кто сойдет с этого проклятого корабля. В опасной ситуации полезно пропустить кого-нибудь вперед: если он начнет вопить и умирать, то ты успеешь дать деру.

Поначалу все шло прекрасно, но потом колонна пассажиров рассеялась, словно струйка дыма в шторм, а я остался стоять рядом с тремя безмозглыми торговцами. Перед нами была похожая на ущелье улица, которая тянулась куда-то на юг.

– После вас, – сказал я, улыбаясь и активно жестикулируя.

– В ночлежном? – спросил один на ломаном общем языке с сильным акцентом жителя Разбросанных островов.

– Конечно.

Вполне вероятно, что где-то в той стороне находился какой-нибудь ночлежный дом. Если ты готов далеко идти, то можешь идти в любую сторону – и все равно найдешь то, что тебе нужно.

– Благодармойс, – хором ответили трое и пошли вперед, прижимая к своим круглым животам сумки для свитков и полы пальто. Я следовал за ними, используя их, словно шахтер – канареек; когда они оборачивались, я улыбался им и жестами призывал их идти дальше.

Вздывавшиеся в темно-лиловое небо высокие склады, заводы и зернохранилища стискивали нас с обеих сторон. Жара не ушла вместе с закатившимся солнцем, как в Крассе, и на улице было тепло и влажно. В воздухе висел густой дым, все еще выползавший из фабричных труб. Из дверей на нас волнами налетали незнакомые запахи и звуки разнообразной работы. Похоже, что рабочий день еще не закончился – по крайней мере, для мертвых. Сквозь щели в каменных стенах я замечал толпы призраков, которые трудились на фабриках и кузницах и обслуживали заводные машины.

Когда я не вглядывался в темноту, то не отводил глаз от поблескивающей Небесной Иглы; для меня она стала ориентиром, словно Бессмертные Звезды – для моряков. Я мечтал поскорее познакомиться с моим новым работодателем Итейном.

Навстречу нам неторопливо шли несколько призраков с тачками и мешками, но никого, кроме них, мы не увидели. Я уже собирался спокойно выдохнуть – впервые с тех пор, как покинул корабль, – как вдруг до меня донесся леденящий душу вопль.

«Приготовься!» – приказал он мне, хотя к чему – я понятия не имел. Я предположил, что сейчас мне будет больно.

Торговцы остановились, недоуменно переглядываясь. Я уже пятился назад, высматривая уголки, ниши и отверстия, в которых можно спрятаться. Мое сердце пыталось пробить дыру в груди и вырваться наружу. Значит, слухи оказались правдой.

Я услышал шаги по песку, и сразу же бросился бежать тем же путем, которым мы пришли. Скажу, что забыл багаж, и спрячусь на борту «Лосося» до зари. Я дам этому придурку капитану столько серебра, сколько он захочет. Жить без гроша лучше, чем быть убитым.

Я успел скрыться за поворотом, как вдруг рядом распахнулась дверь, и путь мне преградил бледный мужчина, размахивавший кривым ножом.

Я не боец, мои руки предназначены для более тонкой работы, но если за мной пришла смерть, то я сделаю все, чтобы ее разочаровать – даже если для этого нужно повалить на землю

щербатого разбойника и бить его ногами по морде до тех пор, пока его глаза не перестанут вращаться.

Я был уже на полпути к пристани, когда его товарищи погнались за мной. Я бросил взгляд через плечо и увидел чудовищных размеров женщину, которая вела за собой целую шайку. Я насчитал полдюжины чумазных бандитов в черных доспехах – и еще четверо преградили мне путь на следующем перекрестке. Вынужденно изменив направление, я с тоской бросил взгляд на крошечный корабль, который показался за домами. Как я ни кричал, на помощь никто мне не пришел. Зуб даю, капитан уже принял горизонтальное положение и, зевая, пересчитывает свой гонорар. Сраный мошенник. Должно быть, и он, и портовая стража заодно с этой бандой.

Извергая проклятия, я помчался по переулку, а за мной по пятам, словно гончие, с воплями бежали разбойники.

Душескрады. А кто, если не они? Я сильно пожалел о том, что не остался в родном Таймаре; там, по крайней мере, люди гонятся за тобой, чтобы отнять у тебя кошелек – но не душу. Я проклинал себя за то, что не пустил приглашение Итейна на растопку.

– Твою мать! – Коварный песок подвел меня; я оступился и упал.

Что-то свистнуло у меня за спиной. Я поблагодарил мертвых богов за то, что отличался умением аккуратно и крепко завязывать шнурки. Даже такая мелочь погубила многих взломщиков.

Только призраки стали свидетелями того, как меня травят. Они прижались к стенам из песчаника, заставляя их светиться слабым голубым светом. Жалости в их глазах я не увидел, но даже если бы они хотели мне помочь, то все равно ничего не смогли бы сделать. Я вдруг понял, что в отчаянии проклиная этих слабых существ. Я поднял взгляд, посмотрел на дымчатую черную бездну, в которой виднелись только самые яркие звезды. Боги мне тоже не помогут. Я был один, а боязнь одиночества – самый мощный и древний страх.

Я не из тех, кто отличается крепкими мускулами; более того, у меня телосложение чело-века, который упражняется только в поднесении кружки с пивом к губам. Но за счет одного лишь страха я почти оторвался от преследователей. Только один из них не отставал.

Я запетлял между штабелей ящиков, заставляя преследователя бежать в обход там, где я промчался напрямую. Впереди распахнул свою пасть переулок, и я бросился в него. Пока мои глаза привыкали к темноте, я неуклюже двигался на ощупь. Мое дыхание было резким, испуганным. Слышал я сейчас только то, как сопит человек у меня за спиной и как стучит мое сердце – оно пыталось биться быстрее, чем топали по мостовой мои ноги.

Пользуясь запутанностью улиц, я то выскакивал на набережную, то нырял в переулки, пытаясь сбить с толку того, кто хотел стать моим убийцей. Но, как бы я ни летел вперед, как бы ни петлял, преследователь не отставал. Я слышал его животное фыркание; будь у него копье, он уже смог бы меня им достать. После каждого резкого поворота огонь в моей груди разгорался все сильнее. Каждый вдох казался более коротким, чем предыдущий.

Между покосившимися старыми зданиями растянулся двор, черный как смоль, абсолютно лишенный света. Я побежал по нему туда, где начиналась еще одна улица, но в последнюю секунду я свернул налево – в другую улицу, поменьше. До меня донесся звук удара и проклятия человека, врезавшегося в кирпичную стену.

Я скользнул в еще один переулок, радуясь собственному хитроумию, как вдруг обнаружил, что он перекрыт стеной из ловушек для крабов. Взвизгнув, я воткнулся в нее головой и упал на песок, а всего через пару секунд снова услышал шаги у себя за спиной.

– Н...!

Встать я не успел: мой отчаянный вопль оборвал удар ножа. Стальной клинок воткнулся мне в спину слева от позвоночника и вышел из живота. Острие ножа натянуло рубашку, сделав

ее похожей на цирковой шатер. Я посмотрел на нее, упираясь в землю одной рукой и коленом, и вопрошая всех мертвых богов о том, почему я не сел на другой корабль.

Нож вытащили из меня, и появилась боль; она расцвела во мне, словно дым над одним из вулканов Разбросанных островов. Она парализовала мое тело, и я бы упал, если бы не железные руки, схватившие меня.

Мое лицо запрокинули к небу. Сталь безжалостно прошла по моему горлу. Моя грудь и колени стали мягкими и теплыми. Каждый раз, когда я пытался сделать вдох, я захлебывался.

Руки отпустили меня, и я упал на спину. Человек с окровавленным лицом, возвышавшийся надо мной на фоне звездного неба, посмотрел мне в глаза, а затем плюнул на меня и презрительно оскалился.

Я не мог представить себе более противного человека, с которым можно было бы провести последние мгновения, и тем не менее: жизнь вытекала из меня, один кувшин за другим, надо мной, словно лесной тролль, нависал мой гримасничающий убийца. В углах его рта и на носу виднелась кровь. Жидкие пряди сальных темных волос затеняли его бугристое лицо. Нужно было пнуть его посильнее. Можно было сесть на другой корабль. Нужно было остаться дома. Это все, чем я мог себя утешить – пригоршней «можно было» и «нужно было».

Теперь я сражался с тьмой и с терпением убийцы, которого, как оказалось, у него не хватало. Вскоре он опустился на колени и снова начал работать ножом. Он проделал во мне еще четыре дыры, прежде чем из меня вытекла вся кровь, а тело сдалось. Тени опустились на меня, а я мог лишь изливать свой гнев и отчаяние, беззвучно крича о том, как все это несправедливо.

Твою мать.

Глава 2. Ритуалы

В соответствии с «Догматами о подневольных мертвецах» душа человека, который умер в смятении – либо случайно, либо от неестественных причин, – воскреснет через несколько дней. У тени есть возможность подарить свое тело Никсу, если никто не предъявит свои права на это тело. В последнем случае человек может завладеть всем движимым и недвижимым имуществом тени только после того, как поработит ее.

«Кодекс порабощения», статья 1, параграф 8

– Что за херня, Кеч? Ты все запарол!

– Ани, ты мое долбаное лицо видела?

Бешено жестикулируя, мужчина указал на свое лицо, покрытое окровавленными ссадинами. Слова со свистом вылетали из щербатого рта, в котором этой ночью зубов стало еще меньше, чем раньше.

Ани Джезебел терпеть не могла препирательств. Новички должны это запомнить. Ее кулак врезался в челюсть Кеча, и тот, развернувшись на месте, рухнул на песок и захныкал, вытирая кровь тыльной стороной.

– Из-за шрамов цена падает! Поэтому босс Темса хочет, чтобы мы убивали чисто. Знаешь, какие привередливые нынче покупатели?

– Извини, Ани.

Она раздраженно постучала по уху, словно грозная директриса, распекающая непослушного школьника.

– Что?

– Извини, Ани!

– Так-то лучше.

Ани посмотрела на труп; горло разрезано так, что виднелась белая кость. Три – нет, четыре! – дыры в животе и груди. Из ран, пузырясь, вытекала кровь, и загорелая кожа мертвеца постепенно приобретала пепельный оттенок. Ани нахмурилась. В лучшем случае за него дадут двадцать монет. Может, удастся замаскировать отверстия с помощью порошка. Недовольно рыкнув, она повесила топор в кожаную петлю.

Старина Дженк любил, чтобы все было быстро. За время, проведенное в тюрьмах, он стал дерганным, а дерганные хорошо стоят на шухере. Да, он постоянно озирался и был на взводе, но запряженные в скрипучую труповозку белые лошади стояли смирно и терпеливо ждали, пока люди уложат новые трупы на старые. Из задней части повозки текли струйки крови. Ночь для жертв выдалась неудачной.

– Так, вонючие ублюдки. Возвращайтесь в «Плиту», пока стражники не спохватились.

Старина Дженк что-то пробурчал сквозь свалывшуюся серебристую бороду.

– Что? – спросила Ани.

– Я сказал «сейчас»!

– Вот так лучше! Ты же знаешь, я ненавижу, когда бурчат себе под нос.

И да, она это ненавидела, а в последние месяцы – особенно. Или ее уши стали не такими чистыми, как раньше, или жители города начали разговаривать тише. В любом случае, ее это страшно раздражало.

Стоя на задней части повозки, Ани смотрела на то, как трясутся тела, когда повозка подпрыгивает на очередной выбоине. Ее подручные бежали рядом и сопели, и громче всех – новички. Они разжирили от пива и слишком любят поспать в мягкой постели. Но ничего, она заставит этих дряблых гадов мыть повозку до самой зари. У нее не забалуешь.

Они свернули прочь от доков и направились в похожий на соты жилой район. Однообразие бесконечных улиц нарушали площади, укрытые ярко-красными навесами. Переулки пролетали мимо, перетянутые веревками для сушки белья и лентами и заваленные разнообразными отбросами, которые обычно можно найти в городских канавах. Время от времени из темноты раздавался вопль или резкий хлопок самострела: другие команды душекрадов тоже вышли на работу.

Дорога вышла к открытому перекрестку, на котором сходились пять улиц. В одном углу площади возвышалось здание в виде пирамиды; его огромная прямоугольная дверь ярко блестела в желтом свете фонарей. Из пирамиды доносился шум, смех, обрывки песен, летели облака трубочного дыма. Один поток тел прибывал на перекресток, а другой – убывал, хотя тела второго потока держались на ногах уже не так твердо. Над дверной перемычкой располагался камень, на выщербленной поверхности которого кто-то выбил и обвел краской слова: «Ржавая плита».

С предельной осторожностью команда Ани направилась к приземистой железной двери, утопленной в заднюю часть здания. Ани постучала девять раз; замок хрустнул, и дверь открылась внутрь. Дженк повел лошадей вперед, под уклон – в пустую, освещенную лампами комнату с невысоким потолком. В стенах были вырезаны две ниши, в которых на толстых цепях висели деревянные платформы.

Босс Боран Темса, как всегда, ждал их. Он стоял один на каменной платформе, опираясь на трость, поглаживая большим пальцем умощенную бороду. В его прищуренных глазах горел голодный огонь. Даже если Темса был очень занят, он всегда находил время, чтобы встретить новоприбывших. Он отличался вниманием к деталям, и это качество играло крайне важную роль в торговле душами. Именно поэтому Ани пошла к нему на службу. Ну и еще потому, что он платил больше, чем все остальные.

– Сколько?! – крикнул он, когда Ани, лязгая оружием и доспехами, начала подниматься по ступенькам на платформу.

– Шесть, босс. От одного из наших капитанов в Нижних доках. От капитана «Лосося».

– Всего шесть? – Темса стукнул тростью о камень. – Ну что же вы, господа! Я рассчитывал на большее, особенно от тебя, Ани.

Ани пожала плечами.

– Кораблей у нас немного, и сюда они заходят лишь пару раз в месяц.

– Оправдания ищут только неудачники, моя милая. Мы уже это обсуждали.

Обсуждали, да. Много раз. Ани совсем не хотелось выслушивать очередную из его лекций.

– В другой раз буду умнее, – сказала она и неуклюже поклонилась.

Темса пошел, и Ани посторонилась, давая ему дорогу, скорее, чтобы уклониться от его медных клешней, чем из уважения. Ноги ниже колена у него не было: он лишился ее давным-давно, когда у него возникли какие-то сложности с уплатой карточного долга. Вместо обычного протеза из дерева или слоновой кости Темса выбрал ногу из меди и золота, сделанную в виде орлиной лапы. О ней знали и в районе Бес, и за его пределами. Она была так знаменита, что никто не смел придумывать Темсе прозвища. Последнему храбрецу, который назвал Темсу «Златоножкой», быстро воткнули кинжал в глаз.

Темса предпочитал, чтобы его называли «босс Темса», и никаких возражений не допускал.

Лязгая и топая, он направился к повозке; когти, трость и сапог отбивали странный ритм, длинные полы лилового, расшитого золотом халата со свистом рассекали воздух. Старина Джек остался с лошадьми, но остальные отступали, словно лесорубы от падающего дерева, пока Темса бродил, разглядывая ночной улов. Тела сложили в неровный ряд, на грубых мазках из крови.

Оливковые глаза Темсы двигались быстро, словно соколиные.

– Хм... По крайней мере, это путешественники, и, значит, они свежее того, что мы обы... Твою мать! А это что за дрянь? – Его трость снова ударила о каменный пол. – Ани, посмотри на его шею!

Ани, прислонившаяся к ограждению, выковыривала грязь из-под ногтей. Даже не глядя, куда указывает Темса: она точно знала, что он имеет в виду.

– Босс, наш Кеч слегка на него обиделся. Похоже, решил отомстить за удар по морде.

Кеч с окровавленным лицом застыл на месте. На сломанный нос он уже не жаловался.

Ани следила за тем, как Темса размышляет, устремив взор куда-то вдаль. Боран Темса быстро принимал решения. Она видела, что он уже решил расправиться с Кечем. Когда Темса кивал головой так, как сейчас, это означало, что он просто выбирает наилучший способ убийства.

Разговаривая, Темса петлял между людьми и трупами, и в конце его пути, несомненно, должен быть Кеч.

– Сорок монет. Именно столько сегодня дают на рынке за чисто убитую тень. Самая низкая цена за полгода, и это несмотря на нехватку воды из Никса. Максимальная цена – если жертву отравили или задушили – от пятидесяти до пятидесяти пяти. За старую или молодую – тридцать пять. Но за этого беднягу с перерезанным горлом... двадцать, не больше. Если присыпать порошком, то, может, двадцать пять. Следите за мыслью?

Люди энергично закивали. Заскрипели кожаные доспехи.

– Тела добываете вы. По одной монете каждому за тело, это шестьдесят. Кроме того, я плачу чародеям по шесть монет за тело – это двадцать четыре. И еще пятнадцать никситам за воду из Никса. Кто скажет, что там в итоге? – Темса остановился рядом с Кечем. – Ну, кто знает?

– Девяносто девять, – ответила Ани после слишком длинной паузы.

– Отлично, госпожа Джезебел. Ну так вот, допустим, что за эту партию мне дадут даже сто пятьдесят, прибыль мне принесет всего одно тело. Пятьдесят серебряных монет. Минимальная доходность, как говорят купцы. Господин Кеч, вы думаете, что я занялся торговлей душами, чтобы получать минимальную прибыль?

– Нет, босс.

Кеч дрожал, и не зря. Ани видела, как большие мужчины – почти с нее ростом – тряслись от страха, когда к ним подходил Темса. Да, он не отличался большим ростом, но у него была тень демона. В его маленьких желто-зеленых глазах горел яростный голодный огонь.

Трость с силой ударила Кеча сзади по ногам, а ее крюк повалил Кеча на пол. Кеч ударился головой о каменную плиту. Темса занес ногу над туловищем человека; четыре острых когтя зависли совсем рядом с курткой, на которую были скверно нашиты кожаные полосы.

– Прости, босс! Я исправлюсь, честно!

– Не сомневаюсь. За тебя дадут хорошие деньги на рынке душ и, кроме того, я ничего тебе не заплачу. Так что ты уже исправляешься.

Темса опустил ногу. Когти вонзились в живот Кеча, и Кеч скрутился в клубок вокруг них, словно проткнутая мокрица. Его щербатый рот раскрылся в безмолвном вопле.

Медные когти вышли наружу; Темса пошел прочь, оставляя Кеча корчиться в предсмертных конвульсиях.

– Грузите их, господа!

Ани ждала в меньшем из альковов. Пока люди подвозили тела к другой, более широкой платформе, она начала рывками опускаться; *ра-та-тат* – загрохотали цепи по блокам. Они опустились в другую комнату со сводчатым потолком, которая была вдвое больше предыдущей. Они обошли две команды призраков, которые налегали на колеса и рычаги, поднимая платформу обратно.

– Ты платишь поработорителям не шесть монет, а четыре, – сказала Ани, немного подумав.
– Моя милая, ты становишься и более глухой и более громогласной одновременно, – заметил Темса, ковыряя пальцем в ухе. – Небольшое преувеличение иногда просто необходимо.
– Может, у тебя слабоумие? Может, ты и считать уже разучился?
– Ни за что, – ответил Темса, лукаво посмотрев на нее.

Тела поплыли вниз, и чародеи в капюшонах поспешили снять их с платформы. Ани и Темса пошли вслед за трупами в комнату, освещенную масляными лампами. Там чародеи приступили к ритуалу: сначала они быстро и четко опустошили карманы и мешки мертвецов и отобрали все ценное, а затем сняли с мертвых одежду. Вещи они аккуратно сложили у голов погибших, чтобы потом сдать скупщикам краденного.

Темса обожал копаться в найденных вещах, искать среди них скрытые сокровища. Время от времени он находил то, что ему нравилось, и забирал себе. Ани указала на труп человека, которому Кеч перерезал горло и проделал четыре дыры в животе.

– Почему у него вообще ничего нет? – спросила она. – Кто сходит с корабля совсем без багажа?

Судя по темной коже и ярким изумрудным глазам, мертвец был с востока. Темные, почти черные волосы – короткие, но растрепанные. Над проколотым ухом они слиплись от крови. На пухлых щеках виднелась небольшая щетина. У него не было никаких украшений, и вообще никакого имущества, если не считать модного серого пальто, какого-то сложенного документа и простой металлической фляжки, в которой плескалась жидкость – судя по запаху, пальмовый самогон. Ани взяла папирус и начала медленно читать.

– Господин Базальт. Бьюсь об заклад, это крадс. И вызвали его на работу не куда-нибудь, а в Иглу! Должно быть, по важному делу. Имя залито кровью, но на папирусе стоит печать.

– Дай сюда.

Имя было закрыто темным пятном. Что-то вроде «Итан» или «Иран». Темса ощупал печать: пустынные розы с шипами, похожими на кинжалы. Рисунок был ему не знаком. В городе столько аристократов, за всеми не уследишь.

Сорвав печать с папируса, Темса засунул ее в карман и что-то сказал, но чародеи так шаркали ногами по полу, что глухая Ани ничего не услышала.

– Что?

– Я говорю – судя по штанам и рубахе, это кузнец.

– Уверен? Какой кузнец не носит с собой инструменты?

Темса ощупал подкладку пальто и вытащил наружу десяток кусочков металла и пружин, похожих на детали сломанного устройства.

– Любопытно. – Темса сложил несколько деталей вместе, сделав из них небольшой крест. Один кусок напоминал напильник. – Посмотрим, что об этом скажет Тор Баск.

– Этот старый пердун? Он дал мне хреновый совет насчет того топора.

– Нет, совет был хороший, просто ты им не воспользовалась.

Чародеи взяли ножницы и разрежали исподнее мертвецов. Обрабатывать темнеющие раны они не собирались: вместо этого они вставили в рот каждому мертвецу деревянный брусок, затем принесли корзину с медными монетами; на каждой из них виднелась королевская печать – корона с шипами. Чародеи разламывали монеты пополам по выбитым в каждой из них бороздке и помещали одну половину монеты в рот мертвеца, а вторую крепко сжимали пальцами.

Затем чародеи вынули деревянные блоки и подтащили окровавленные тела к закрытому крышкой колодцу, находившемуся у одной из стен. Доски сдвинули в сторону, и показался водоем с темно-серой водой. Круги на поверхности расходились вяло, словно в колодце была не вода, а масло, однако жидкость не блестела. Каменное дно нельзя было разглядеть, но Ани знала, что глубина там фута три. Больше Никсу и не нужно.

Трупы, которые чародеи опускали в воду один за другим, шипели, словно раскаленные клинки, которые остужают во времяковки. Но дело было не в жаре и не в холоде; это шипела магия в монетах в тот момент, когда застывали волшебные узы.

Тело красса было последним, и как только он – все еще с выпученными глазами – скользнул в воду, чародеи заняли свои места у каменного бортика колодца. Они молча надели расшитые медными нитями перчатки и, подготовившись, замерли.

Чуть позже появились тени: кого первого опустили в воду, тот первым и вышел. Так было всегда. Кроме того, тени всегда пытались извергнуть из себя воду: им казалось, что их оживили – они еще не понимали, что перешли в новое состояние. Медные руки вытаскивали из пепельно-серой воды обнаженные, газообразные тела и бросали их на камень, который из-за этого светился голубым светом, как и они сами. Тени сопели и морщились, словно новорожденные – но затем все понимали, и новое знание вызывало у них корчи. Их пары, хотя и связанные с формой и временем смерти, текли и раздувались: тени оказывали сопротивление. Перчатки поработителей учили их замирать на месте. Там где перчатка прикасалась к парам, она обжигала их, и тени падали на камень, содрогаясь.

Шесть теней вышло, включая Кеча, но седьмой оказался упорным – он никуда не торопился. Красс. Кое-кто, узрев врата загробного мира, цеплялся за них, как только мог. Ани фыркнула. Узы всегда притаскивали их обратно в мир живых. Магия всегда побеждала силу воли.

И все-таки пауза затянулась. Чародеи нетерпеливо двигали руками над плещущейся водой, озабоченно посматривая по сторонам из-под капюшонов. Ани взглянула на Темсу. Он щурился, раздраженно топая здоровой ногой.

Глава 3. Психология толпы

«Догматы о подневольных мертвецах» стали последним даром мертвых богов. Почти тысячу лет назад бог хаоса Сеи дал людям методы волшебного порабощения – до того, как наши старые боги покинули мир живых и оставили нам загробный мир, или «дуат» на древнем языке аркийцев. Я упоминаю Арк только потому, что именно они радостно ухватились за возможности, которые давала связывающая магия. Именно они усилили «Догматы» с помощью своего Кодекса порабощения. Именно они превратили этот мир в долину смерти.
Гаэргвин Джубб, «История Дальних Краев»

В загробном мире тесно.

Поначалу там было холодно и тихо. Я не увидел ничего, кроме пустой тьмы. Хотя мне сразу стало ясно, что истории о сияющих полях кукурузы и горах, окруженных облаками, – это куча дерьма, какое-то время в загробном мире было спокойно.

Затем зазвучали голоса. Сначала один; заунывным тоном он повторял одно слово снова и снова. Затем другой – сердитый; он говорил на чужеземном, совершенно непонятном языке. Когда возникал очередной голос, появлялась тень его владельца, очертания которой мягко светились. Я посмотрел вниз и увидел лишь тусклые границы моего собственного тела. Никаких ран, только края тела, нарисованные светом и тенью, словно я сделан из чистейшего стекла.

Голоса звучали все громче, их число увеличивалось до тех пор, пока шум не превратился в огромный, перенаселенный ландшафт. Здесь не было ни деревьев, ни построек, возведенных человеком, – ничего, кроме нескольких угловатых черных камней, похожих на стекло; камни блестели от стекающих по ним ручейков. Под ногами лежали острые кусочки сланца. На нем стояли тысячи – нет, миллионы и миллионы мертвецов, бесконечное множество призраков, очерченных тенью и утраченными воспоминаниями.

Бесконечная толпа тянулась вниз, в черную долину – столь широкую, что ее края растворялись в дымке, и такую длинную, что ее начало было серым размытым пятном на чужом горизонте. Небо было чернее самой черной ночи. Я бы предположил, что стою под бездонной пропастью, если бы не сталактиты. Они, зазубренные и зловещие, висели, словно перевернутые горы, разрушая черноту то здесь, то там. Вдали поблескивало кольцо из пяти звезд, в центре которого находилась еще одна, более яркая звезда. Я понял, что мог бы идти сто лет, и все равно бы до них не добрался.

Мысль о смерти по-прежнему вызывала у меня дрожь; воспоминание о ней было столь ярким. Но меня тревожила не данная несправедливость и не так называемый загробный мир, а гул голосов и давление призрачных тел. Пока я стоял там, разинув рот, бесчисленное множество новичков столпилось позади меня; их еле заметные ноги топали по лужам, наполненным чернильно-темной водой. Продвигаясь в мою сторону, они тоже завывали мне в ухо. Крики, обращенные к любимым. Животные стоны от боли. Постоянные, душераздирающие рыдания. Истерическое или старческое бормотание. Это было невыносимо.

Я попытался дать им отпор, но это было все равно что пытаться оттолкнуть воду. Когда я не двигался, людская волна несла меня вперед, дюйм за дюймом. Я протестовал, но мои ноги все равно скользили по мокрому сланцу. Я оказался запертым в чужом кошмаре, и в тот миг, честно сказать, он сводил меня с ума. Заткнув уши руками, я закричал:

– ЗАТКНИТЕСЬ! ЗАТКНИТЕСЬ! ЗАТКНИТЕСЬ, МАТЬ ВАШУ!

Я почувствовал, что призраки вокруг меня вздрогнули. Они замерли. Воцарилась мертвая тишина – простите за каламбур. Мой крик затих. Его эхо не вернулось ко мне. Тишина была еще более безграничной, чем голоса. Даже не открывая глаза, я чувствовал на себе тяжесть их

взглядов. Когда я все-таки открыл глаза, то увидел сотню призрачных лиц, обращенных в мою сторону. Каким-то образом я понял, что бесчисленное множество других людей в огромной толпе сделали то же самое. Возможно, весь океан уснувших сейчас смотрел на меня. Их взгляды ни в чем меня не упрекали, не выражали никаких чувств. Они были бесстрастны, словно стеклянные шарик.

Я, как и подобает добропорядочному крассу, начал думать о том, как извиниться перед ними. Но не успел я выдать из себя что-нибудь подходящее случаю или сообщить о том, что я тут недавно, как они заговорили снова – не все вместе, а по очереди. Первый был где-то вдалеке и бурчал что-то про голод. Второй находился поближе, но его слов я разобрать не мог. Третий оказался совсем рядом, и своим призрачным затылком я ощущал его ледяное дыхание. Вот его я услышал.

– Мы призываем замочного мастера, предвестника перемен.

– Что? – Я попытался развернуться, но толпа мне этого не позволила. Я почувствовал, что между моими ногами петляет что-то похожее на кошку. *У животных тоже есть загробный мир?* – Кого?

Стоявший передо мной призрак заговорил, глядя на меня через плечо. Его сломанная челюсть беспомощно повисла, однако я почему-то четко слышал его голос.

– Хаос не получит его время.

– Поток не должен захватить мир, – сказал другой, находившийся рядом с первым.

– Боюсь, что я понятия не имею, о чем вы гово...

– Ты вернешься, – загремел чей-то голос в глубине толпы. – С нашим даром.

Я попытался подпрыгнуть, но меня крепко держали.

– «Вернешься»? Да, я хочу вернуться! Понимаете, меня убили, и...

Призрак, стоявший рядом со мной, заговорил, став при этом зеленым.

– Ты будешь искать слуг хаоса. Останови их. – У этого, последнего призрака были волчьи глаза, горевшие ярким золотым огнем. – Останови их. Спаси нас. Спаси самого себя.

– Я не понимаю. Говорите прямо! Я...

Слова были украдены у меня. Земля под ногами вздрогнула, и я рухнул в дыру, которая открылась под моими ногами. Сланец царапал меня. Вода падала каскадом вместе со мной. Бесконечная толпа исчезла, уступив черным каменным стенам, которые неслись мимо меня, а затем черной, как смоль, тьме. Я падал сквозь эту пустоту до тех пор, пока падение не стало похоже на полет, и как только я представил себе вечность, проведенную в полете, ледяная вода наполнила мой рот, хлынула в глаза и уши.

Я вырвался на поверхность черной воды, словно дельфин, танцующий на волне за кормой корабля. Меня вывернуло наизнанку, я закашлялся, и по моим холодным губам потекла мерзкая жидкость. Меня охватила слабость; все мое тело, от макушки до пальцев ног, ооченело. Чьи-то руки бесцеремонно потащили меня наверх. Я почувствовал, и на миг ощутил невероятное блаженство, подумав, что все это – просто страшный сон. Должно быть, корабль потонул на пути в порт, или та старая ведьма столкнула меня за борт за то, что я наложил кучу в ее сейф.

А это – мое спасение.

Каменный пол заставил предположить обратное. Я ожидал ощутить под собой деревянную палубу или, быть может, песок. Я не почувствовал боли, не услышал, как тело шлепается о поверхность, словно кусок мяса о прилавок в лавке мясника, а смутно ощутил, что подо мной что-то есть. Я попытался открыть глаза, но острый свет проникал мне прямо в голову, наполняя ее огнем.

– Наконец-то! – вскричал чей-то голос. Он говорил на общем языке, хотя и с булькающим аркийским акцентом. – Он показался. Поднимите его, я хочу оценить ущерб.

Руки снова потянулись ко мне; на этот раз они были раскалены. Я попытался вскрикнуть, но сумел выдать из себя лишь безмолвное проклятие. Обжигающие руки поставили меня на

ноги и заставили идти вперед. Я чуть приоткрыл глаза, чтобы посмотреть, кто меня держит и куда меня ведут. Меня снова затопила боль, и я увидел лишь голубую дымку.

Руки принялись грубо трясти меня и остановились лишь тогда, когда я смог терпеть свет. Кто-то приподнял мне подбородок. Я увидел перед собой фигуры в темных одеждах и толстых перчатках, а также низкорослого человека, похожего на горгулью, с золотой ногой в виде лапы орла. Смуглое лицо, зеленые глазки, во рту поблескивают золотые зубы. Его одежду можно было даже назвать модной: узкие штаны в северном стиле, красная шелковая рубашка и длинный, до пола, золотистый халат. В руке он сжимал богато украшенную трость.

Что-то мыча себе под нос, он разглядывал меня с головы до ног.

– Поджарым его не назовешь – да, моя милая?

Я уже собирался пожаловаться, как вдруг горячие руки отпустили меня, и я, дрожа, упал на колени перед коротышкой.

– И эту жуткую рану порошком особо не закроешь, но мы попробуем.

Услышав про рану на шее, я вздрогнул. Моя мечта мгновенно разлетелась на куски, и я вспомнил, как холодная сталь рывками проходит через хрящи моего горла. Мои руки взлетели вверх, чтобы нащупать рану, но я почувствовал только холод и онемение. Я увидел, что я обнажен, а мои очертания – всего лишь завитки кружащегося голубого дыма.

Значит, я все-таки умер. По-настоящему умер.

Естественно, любой бы на моем месте закричал, и, конечно, я тоже попытался. Я завопил изо всех сил, но наружу вырвался только хрип. Я бросился в атаку, но сильные руки толкнули меня на мокрый пол. Мечтая о том, чтобы все это оказалось кошмаром, я снова и снова повторял жалкое подобие слова «Нет!». Казалось, что плоть, которую я носил столько лет, приглушала эмоции души, словно тряпка, которой завязали глаза и уши. А теперь я стал голым, незащищенным, и меня оглушили ужас и отчаяние.

– Босс, он шустрый! – крикнула стоящая рядом с коротышкой женщина – та самая огромная женщина из переулка. Теперь, разглядев ее, я подумал о том, что мне еще повезло: если бы меня убил не тот увалень, а она, то я, несомненно, лишился бы пары конечностей.

Два топора висели у нее на поясе и еще один – за плечами, которые были закрыты кожаными доспехами. Ее волосы были туго заплетены в три хвоста, и это, вероятно, слегка разгладило морщины на ее обветренном, покрытом шрамами лице. На ее шее, щеке и плече виднелись татуировки – угловатые завитки. Да, она была похожа на варвара из моей родной страны, но светлая кожа женщины выдавала в ней северянку.

Судя по акценту, она с Разбросанных островов. От него сложно избавиться.

Ее босс вышел вперед; его металлическая нога лязгнула по камню рядом с моей головой.

– Ты еще слишком свежий, тень, тебе рано говорить. Через пару дней это пройдет. Зачем, по-твоему, мы так быстро тебя заколдовали? Чтобы пожить пару дней в тишине и спокойствии, пока ты еще не смирился со своей судьбой. Но что это я? Совсем забыл про этикет! Добро пожаловать в Аракс, Город Бесчисленных душ, Алмаз Арка! Это лучший из городов, это гора, созданная человеком!

Я подумал о том, могут ли мертвецы плевать. Если я не в силах пнуть его или что-то выкрикнуть, то, возможно, я сумею показать свое отвращение другим способом. К сожалению, слюноотделение не является одним из качеств призрака – несмотря на то что он состоит из тумана и паров.

– Ублюдок! – крикнул я, но получилось что-то похожее на «урру!».

Перчатки, несущие боль, вернулись и поставили меня в ряд из полдюжины других призраков, таких же голых, как и я. От нас исходило еле заметное свечение – голубое, почти серое. Я посмотрел налево и с удивлением увидел моего неуклюжего убийцу. Вид у него был мрачный, хотя, скорее всего, он злился не на меня, а на своего босса. На его груди виднелись четыре отверстия: они соответствовали металлическим когтям на ноге коротышки.

Торговцы были в лучшем состоянии, чем я, но сейчас они выглядели еще более пучеглазыми и несчастными, чем при жизни, и, казалось, в любой момент могут забиться в истерику. Упрекнуть их было не в чем. У одного по груди, от соска до пояса, тянулась уродливая резаная рана. У другого в животе были две темные дырки – почти такие же, как и у меня.

Рядом с нами стояла еще пара чужаков, дополнявшая нашу маленькую бригаду призраков. Мы, напуганные и дрожащие, все еще пытались понять, какой переход мы совершили не по своей воле. Жизнь и смерть разделяла слишком тонкая грань, и наше сознание до сих пор не сориентировалось в происходящем. Ужас нашего убийства стал ловушкой, из которой мы еще не выбрались. Даже теперь, когда наши бранные тела превратились в туман и пар, мы прикрывали руками наготу.

Человек-горгулья подошел поближе, чтобы как следует меня рассмотреть. Даже я, не отличавшийся особым ростом, был на голову выше его.

– В клетки, – приказал он, и фигуры в капюшонах потащили нас в коридор.

Торговцы завывали на своем чужеземном наречии, но их быстро избили металлическими прутьями. Я старался отстраниться, уйти подальше от обжигающих перчаток, но при каждой такой попытке меня били, заставляя меня прекратить сопротивление.

Нас отвели в невысокую, но глубокую клетку, втиснутую в каменный тоннель. Дальше, в дымчатую тьму уходил ряд других клеток. Я увидел в них сияющие голубые огоньки.

Наши тюремщики втокнули меня в клетку последним, а затем захлопнули и крепко заперли дверь. Я тут же подошел к толстым прутьям решетки, но мои ладони отлетели от них, словно их обожгло пламенем. Решетка была окована медью – единственным материалом, который мог причинить вред призраку. Те ее части, которые не были покрыты медью, казались мягкими, желеобразными, однако мне все равно не удалось сдвинуть их с места. Я снова попытался закричать, но тщетно.

– Валяй, не стесняйся, призрак, – расхохоталась большая женщина.

Еще четверо призраков зависли в дальних уголках клетки, свернувшись в шары. Они сияли ярче, чем мы: должно быть, это означало, что они старше нас. Действительно, теперь у нас был новый, жуткий возраст, который измерялся со дня нашей смерти.

Хромая, невысокий мужчина подошел к решетке.

– Слушайте все! Меня зовут босс Боран Темса, и я буду вашим хозяином в тот краткий период, пока вы не начнете новую жизнь – жизнь рабов. А это госпожа Ани Джезебел, моя самая доверенная помощница и одна из лучших наемников в Дальних Краях. С удовольствием сообщаем, что ваши тела мертвы. Скончались. Лишились жизни. Однако ваши души обрели свободу, и благодаря славным «Догматам о подневольных мертвецах», медным монетам и воде Никса вы теперь присоединились к достопочтенному классу рабов. Каждый из вас – тень. Призрак. Полужизнь.

Хотя это было очевидно с того самого момента, когда клинок встретился с моим телом, сейчас, после этих слов, мне показалось, будто меня снова ударили ножом в живот. Я стиснул прутья решетки и держался за них столько, сколько мог, борясь с болью. Темса продолжил свою речь.

– Вы радоваться должны, ведь вас ждет новое существование! Неудачные имена, которые выбрали для вас матери, больше не существуют. Вам больше не нужно волноваться об имуществе, теперь вы можете обходиться без пищи и сна, вы выше таких пустяков, как выпивка, азартные игры и блуд. Оставьте все это живым – так же как политику и религию. Знайте: теперь ваше существование уже от вас не зависит. О свободе вы тоже можете забыть – разве что вам подарит ее какой-нибудь великодушный хозяин. Потому что, дамы и господа, вы теперь, целиком и полностью, являетесь собственностью.

Чтобы подкрепить свои слова, Темса показал нам стопку из семи половинок медных монет, сдавленную между большим и указательным пальцами. Я достаточно знал об Арке и

поэтому догадался, что это наши монеты – то, что привязывает нас к миру живых. Тысячелетнее извращение древней традиции, которая требовала платить лодочнику за переход в мир иной. Обмани лодочника. Обмани смерть. На этих медных полумесяцах аркийцы построили свою империю.

Мне страшно хотелось заорать – и, мертвые боги мне свидетели, я попытался. Я хрипел, шипел, я задыхался, а когда все это ни к чему не привело, я показал коротышке все неприличные жесты, которые я знал. Несколько из них я изобрел по ходу дела.

Другие призраки поддержали мой бесплодный бунт, но все зрители лишь усмехались, глядя на нас. Темса и его похожая на гору телохранительница, похоже, все это уже видели. Темса не обратил бы на меня внимания, даже если бы я загорелся.

– Запишите их, – приказал он.

Появились двое мужчин в длинных одеяниях. У одного из них была длинная борода, заплетенная в косички. Он в основном оставался в тени. Другой – темнокожий, лысый, скорее всего, был родом из далеких южных пустынь. В руках он держал свиток и тростниковое перо. Откашлявшись, он начал с торговцев.

– Так. Ты. Имя.

Призрак с разрезом на груди беззвучно зашевелил губами. Он мог бы и не стараться: вопрос был риторическим.

– Назовем тебя «Амин», – предложил писец, уже водя пером по папирусу.

Бородатый человек у него за спиной начал царапать имя на половине монеты, и пока он не закончил, призрак Амин содрогался от боли.

Писец остановился, чтобы оглядеть человека с ног до головы.

– Тридцать лет. Десять из них считал монеты.

– Он больше похож на повара, – рыкнула госпожа Джезебел.

– Значит, повар, – поспешно исправился писец.

Так оно и шло. Писец на ходу придумывал очередному бедняге имя, его записывали на половине монеты, добавляли возраст и профессию. Когда настал мой черед, я устроил пантомиму, изобразив нечто угрожающее с участием ноги и отверстия. Обычно я не такой дерзкий, но того требовали обстоятельства.

Писец лишь слегка нахмурился. Он, несомненно, видел все это и раньше.

– Джеруб, – сказал он. – Слуга, пять лет.

Я согнулся, когда мое ложное имя принялись выцарапывать на монете. Мне показалось, что в мою грудь, повторяя движения резца, втыкается сосулька, и я едва не упал в обморок. К счастью, все быстро закончилось. Я был благодарен им за то, что они обошлись без фамилии и названия должности. Никогда в жизни я еще не испытывал такой боли, а ведь ее в моей жизни было достаточно.

Темса вздохнул.

– Напряги воображение, парня нужно слегка приукрасить. Посмотри на его долбаную шею! Ты же знаешь, покупателей тошнит от подобных ран. Вот почему нужно чисто. Целься в грудь, в живот, да хоть в жопу – куда хочешь, лишь бы рану можно было закрыть балахоном.

– Тогда... пятнадцать лет. Нет, тридцать лет.

– Двадцать восемь. И напиши, что он работал на конюшне с жуками и лошадьми.

– Готово, босс.

Темса постучал тростью по земляному полу.

– Ну что ж, мои новые тени, спокойной ночи. Мы снова встретимся в рыночный день.

Люди один за другим вышли в коридор, бормоча, что сегодня вечером они хорошо поработали. Я следил за ними до тех пор, пока последнее одеяние не исчезло из виду, а затем нашел каменную стену в задней части клетки, подальше от меди, и начал биться об нее головой. Удары были больше похожи на мягкие шлепки, и никак не помогали справиться с раздраже-

нием. Стена не причиняла мне боли, а лишь сдержанно сопротивлялась. Я не был призраком из старых сказок, который может проходить сквозь двери и стены: реальность ограничивала меня так же, как и раньше.

Мысль о собственной неуязвимости ободрила меня, и я повернулся к своему убийце. Он ссутулился и смотрел на меня, стиснув кулаки. Он видел мое «выступление», и, несомненно, был так же, как и я, разочарован своим бедственным положением. Блеск в его глазах подсказал мне, что он возлагает всю ответственность на меня, словно это я виноват в том, что он меня зарезал. Если бы он мог убить меня во второй раз, то я бы уже превратился в синеватое облачко. Но сейчас его ярость была бессильна.

Я покачал головой, глядя на него, а затем нашел место, где можно побыть одному, и обхватил руками лодыжки, приняв позу, в которой уже находились все остальные. Положив подбородок на холодное желе, в которое превратились мои колени, я устался на свою новую кожу. Пары сохранили форму, которая была у меня при жизни. Каждый выступ, каждая грань и черта сохранились, только теперь они стали мягче и превратились в голубой туман. Мой обширный живот все еще выступал вперед, и (что отчасти меня порадовало) у меня даже сохранились член и яйца. Однако я подозревал, что после смерти они будут столь же бесполезны, как и при жизни.

Мой туман слегка светился и тек, словно кровь в теле. Когда я двигал рукой, моя форма растягивалась и дрожала, подобно огню свечи на ветру. Мои раны в груди казались чуть белее, чем остальное тело; я предположил, что так же выглядит и шея. Я потрогал их, но боли не почувствовал, даже когда палец наполовину исчез в грудной клетке.

Когда этот осмотр стал мне невыносим, я попытался заснуть, но оказалось, что сон – роскошь, которая доступна только живым. Поэтому я, как и любой человек, оказавшийся в таких жутких обстоятельствах, стал размышлять о том, что мне следовало сделать по-другому.

Я заново прокрутил в голове всю погоню, проклиная себя за то, что не свернул тут налево, а там – направо. Я изобретал хитроумные приемы, с помощью которых можно было направить нож нападавшего на него самого. Я сочинял остроумные реплики, которые мог произнести перед своей кончиной. Я даже думал о том, как бы я рассказал о встрече со смертью своему таинственному работодателю из Небесной Иглы. Все это отвлекало и утешало меня. Поначалу.

Человек, мечтающий изменить прошлое, всегда будет видеть себя лишь результатом событий, которые могли бы произойти. Страстное желание и тоска ничего не меняют в настоящем. Каждый раз, когда я поднимал взгляд, то видел себя в мрачной камере, за решеткой, сдвинуть которую я не мог; компанию мне составляли только восемь призраков, а чтобы развлечься, я мог лишь трогать свою перерезанную глотку. Мое существование в данный момент было, мягко скажем, жалким. Вот так я провел несколько часов, превращая идеальное знание о прошлом в пыточный инструмент.

Спаси нас. В моей памяти снова всплыл бредовый посмертный сон. Я решил, что он был вызван либо потерей крови перед смертью, либо каким-то безумием, которое неразрывно связано с колдовским ритуалом.

Дело вот в чем: не было ни одного бога, который мог бы меня спасти. Такова истина. Будь здесь боги, я бы немедленно взмолился, чтобы они меня спасли, я бы упал ниц и выл, обращаясь к небесам. Боги умерли в тот самый день, когда по миру стали бродить первые мертвецы, и какие-то гении-аркийцы научились их порабощать. Зачем уповать на милость богов и жертвовать деньги жрецам, если до загробной жизни можно дотянуться, и она, светящаяся, стоит перед тобой? Нет религии, нет и чувства вины. Нет непостижимых сил, которые хранят ключи от бессмертия. Ты можешь просто его взять: для этого нужно просто умереть в смятении и не дать другим захватить твоё тело, пока ты не овладеешь им сам. *Рабство.* Что еще может случиться, если власть над смертью получают люди?

Тяжесть ситуации раздавила меня. Я снова подумал о тонкой грани между жизнью и смертью. Когда ты жив, она – пропасть, в которую легко соскользнуть. Когда ты мертв, это отвесная скала, за которую невозможно ухватиться.

Борясь с желанием заскулить, я занялся тем, что получалось у меня лучше всего: стал разбирать свои проблемы на части. Я знал, что у меня, мертвеца, осталось только два желания – получить свободу и свершить правосудие над Темсой.

Величайший город в мире, может, и дикий, но в нем тоже действуют законы. Аркийская империя – общество, в котором твое положение зависит от того, сколько у тебя теней. Их драгоценный «Кодекс» регулирует все аспекты торговли призраками, и его правила довольно строги – просто аркийцам не хватало сил или желания следить за их выполнением. «Кодекс» – система, а с каждой системой можно работать. Именно она покарает этих душекрадов. Да, мне понадобятся сила и терпение, но я смогу отомстить и продолжу быть... чем-то. По крайней мере, новой формой меня.

Мертвым мной.

Я подавил рыдание, закрыв рот сияющей ладонью.

Глава 4. Оазисы

Тень, которая желает заявить о прошлом незаконном или неправильном порабощении, может сделать это лишь в том случае, если она свободна или если получила разрешение у своего текущего хозяина. Тень может обратиться в Палату Кодекса, и если там ее заявку сочтут заслуживающей доверия, тогда она должна представить улики, после чего и, возможно, будут проведены слушания. Если будет доказано, что слова тени соответствуют истине, а изначальный продавец тени – признан виновным в незаконном порабощении, этот продавец будет забит камнями до смерти.

ПОПРАВКА: В настоящее время на рассмотрение дела отводится три года.

«Кодекс порабощения», статья 7, параграф 2

У пустыни есть один подлый трюк – днем в ней царит жара, а ночью – холод. Колени женщины наполовину обледенели, ступни онемели, превратились в обрубки. Хотя изо рта у нее вырывались клубы пара, усилия, которые она прикладывала, чтобы тащить труп, совсем ее не согревали – и едва отвлекали ее от мучительного холода в груди.

Луна, похожая на череп, поленилась выйти и сейчас пряталась за горизонтом, поэтому сегодня ночью женщину омывал только свет звезд. Глядя на созвездия, она бормотала их древние названия на языке Красса. Даже сейчас, прожив столько лет в Арке, она их не забыла.

Мамил-Бродяга.

Крюк Утреса.

Разрушенная Пирамида.

Сотис.

И пять Бессмертных звезд, окруживших Неподвижную звезду, которые указывали путь на север, в Аракс.

В этот долбаный город.

Женщина снова встревожилась. После захода солнца ей не давали покоя шепчущие голоса. Каждый раз, когда ветерок принимался стонать в дюнах, каждый раз, когда во тьме раздавался хриплый крик, ее одолевали сомнения. Женщина обернулась, чтобы проверить, следует ли за ней призрак, и увидела его белые глаза, пылающие злобой.

Время и Догматы были не на ее стороне. По правилам волшебного порабощения, ей нужно за тридцать четыре дня добраться до Аракса и зачаровать его тело в Великом колодце Никса. Разумеется, никакой другой ей не подойдет. Загнав лошадь, она уложится за тридцать. Четыре дня: невероятно ограниченное пространство для маневра. Если она опоздает, призрак уйдет в пустоту, исчезнет, а с ним пропадет и шанс его зачаровать. Над его задыхающимся, истекающим кровью телом она обещала, что этого не произойдет, а сейчас она клялась всеми мертвыми богами, что выполнит свое обещание.

Песок у ее пяток стал голубым. С каждой пройденной милей призрак сиял все ярче, и это делало его смелее. В течение последнего часа она чувствовала, что он разминается, готовясь обрушить на нее новый поток оскорблений. Она всегда читала его, словно свиток.

– Какие колкости ты приготовил на сей раз? – спросила она, и в ответ услышала неодобрительное цоканье языком.

Поначалу его голос звучал весело, но вскоре игривость сменилась хриплой яростью.

– Знаешь, Нилит, меня одолевает любопытство. Ты все еще топаешь на север, но уже почти целый день ничего не пила. Солнце вскоре взойдет, вот я и подумал – когда ты собираешься упасть замертво?

– Ты такой заботливый, – сказала Нилит и выдержала паузу, заставляя его ждать ответ. – Знай же: я иду по старому руслу реки, которую поглотила пустыня.

– А какая нам от этого польза? То есть тебе это зачем? Мне-то насрать.

Нилит повернулась и посмотрела ему в глаза, а затем на рану, которую ее нож нанес ему перед смертью. Она вспомнила, как кровь пузырилась на его губах, когда он таращился на нее, словно попавшая на крючок рыба, и бормотал отвратительные проклятия вместо остроумных философских фраз, о которых он, несомненно, думал. Фаразар был глупцом при жизни и ничуть не изменился после смерти.

– Идиот, это значит, что впереди оазис. Оазисы появляются в старых руслах, потому что где они, там и старые источники.

– А если там люди?

– Значит, тебе придется вести себя очень тихо. В противном случае ты узнаешь, какую боль призраку причиняет медь. – Нилит постучала по рукояти своего кинжала, и его лезвие блеснуло в звездном свете.

– А ты?

– Я буду вести себя еще тише.

– Я знал, что нужно было искать жену в Арке, а не у восточных варваров. Солнце поджарило тебе мозги, непотребная девка.

Рассмеявшись, Нилит резко дернула его тело.

– Если оно поджарило мои мозги за двадцать два года, пока я была прикована к тебе, то даже не хочу думать о том, что оно сделало с тобой и твоими предками за несколько столетий. Возможно, именно поэтому жители Арка такие кровожадные. А теперь прикуси язык, пока я его не отрезала. Да, ты умер, но я и сейчас могу тебе навредить.

Она двинулась дальше, позволив Фаразару зависнуть позади нее и проверить границы на прочность. Если человек погибал в смятении – от клинка, болезни или несчастного случая – и его не поработщали немедленно, то его призрак выходил из трупа через несколько дней после смерти. Странная магия смерти всегда привязывала призраки к их телам. Двадцать футов от трупа в любом направлении – и Фаразар наткнется на невидимую стену. Если Нилит пойдет дальше, то он поедет вместе со своим трупом. Это приводило Фаразара в ярость.

Он пытался топтать траву и пинать камни, но еще не обрел форму и не научился собой управлять, и поэтому у него получалось лишь слегка в них тыкать.

Решив осмотреть окрестности, Нилит выбралась из русла реки и забралась на вершину особенно высокой и крутой дюны. Ее усилия были вознаграждены: она увидела поблескивание факелов. Скопление факелов мерцало, словно звезда, в центре долины между дюнами – там, где среди пальм и папоротников находилась деревушка. Ветерок донес до Нилит запах воды – сладкой и наполненной минералами. Ее пересохший язык царапал небо, словно губка, которую оставили на солнце.

– Я же говорю – там люди. Надеюсь, они тебя поймают и отрежут тебе руки.

Нилит достала кинжал и поводила им у горла призрака.

Она почти решила оставить Фаразара здесь, но ей очень не хотелось бежать за ним обратно, если ее план провалится. Поэтому она выбрала компромиссный вариант: подошла к деревне кружным путем и оставила его тело неподалеку, за какими-то увядшими кустами. Пустынные растения для нее были все одинаковые – сплошные сучки и шипы.

– Неужели ты бросишь свой трофей здесь, в темноте? Да как ты смеешь!

– Что хочу, то и смею. Ты же никуда не денешься, так зачем волноваться?

– А как же волки, шакалы, лисы? Они порвут его в клочья, тупая ты шлюха!

– Порвали бы, если бы смогли к тебе подобраться. Скорее всего, они уже почуяли твой труп, но, к счастью, звери боятся призраков. – Нилит достала нож. – Или все дело в том, что ты боишься темноты?

– Я... – Фаразар умолк – его внимание отвлекли тени.

Нилит пошла прочь, пригибаясь к земле. Она чувствовала себя натянутой, словно струна арфы. Да, может, она и постарела, но еще не забыла, как охотилась на шестиногого лося в степях под Саракой, вооруженная лишь небольшим ножом.

Она – красс до мозга костей, и гордилась этим.

Факелов в деревне было мало, и расставили их в основном на узких улочках, между куполообразными домами из саманного кирпича. Никаких стражников и сторожей Нилит не увидела. Это показалось ей странным, ведь в пустыне было полно разбойников и душекрадов. Огни горели лишь в паре окон, но Нилит пробиралась так осторожно, словно на дворе был яркий солнечный день. Она выбрала темную тропу и вскоре уже шла среди пальм, сквозь сочную траву. Она увидела оазис: в тени высоких деревьев он казался черным. Его воды ласково журчали.

Нилит бросилась к нему и окунула в водоем фляжку, черпая воду свободной рукой, чтобы напиться. Вода была ужасно холодная, но она, словно морская волна, смыла прочь всю пыль. Сделав еще один, последний, глоток Нилит бросилась обратно в пустыню.

Пробегая мимо купола, который был больше остальных, она заметила загон с тремя лошадьми. Это заставило ее остановиться; понаблюдав за ними из-за оплетенной плющом решетки, она побежала обратно к оазису. Там на одном из кустов между шипами висели желтые ягоды, похожие на драгоценные камни; если куст так ревностно их охраняет, значит, они съедобны. Нилит набрала пару дюжин, ободрав пальцы до крови, и, прижимая фрукты к груди, побежала к загону.

Ворота были привязаны простой веревкой, которую ее нож разрезал в мгновение ока.

Она связала концы веревки, превратив ее в недоуздок, и осторожно зашла в загон. Лошади испугались ее, но Нилит в животных разбиралась и, разведя руки в сторону, она успокоила одну из лошадей настолько, что та позволила надеть на себя недоуздок.

Конь был приземистым, но коренастым, пегим, как и ее прошлый скакун, с густой черной гривой, приспособленным для жизни в пустыне. Убрав большую часть ягод в карман, Нилит положила несколько из них на ладонь и протянула ему. Жесткие, слюнявые губы мигом забрали их, и вскоре лошадиная морда подтолкнула ее ладонь, требуя добавки.

Не желая, чтобы местные жители услышали топот копыт, Нилит шагом повела коня в пустыню. Загон она оставила закрытым, и, немного покопавшись в своих вещах, повесила на столб мешочек с самоцветами, надеясь, что местные жители сочтут ее поступок покупкой, а не кражей. Добравшись до края деревни, она побежала. Конь, казалось, совсем не против идти рядом с ней – вероятно, он рассчитывал получить еще немного ягод.

Нилит увидела Фаразара: он стоял над своим телом, сжимая в руке длинную тонкую ветку.

– Я видел волка. А может, собаку, – сказал он, увидев ее ухмылку. – А ты, я вижу, теперь крадешь не только души, но и скот?

Нилит принялась привязывать труп к спине коня. Один лишь запах мертвечины, не говоря уже о самом грузе, едва не заставил животное пуститься наутек, и даже призрак Фаразара заставлял его нервничать. Лошади лучше, чем большинство зверей, вели себя рядом с мертвецами, но Нилит все равно пришлось его успокаивать. Крепко прижав одну руку к его жесткой гриве, второй она гладила его по шее.

Его короткая щетина сопротивлялась пальцам. Нилит чувствовала, как подрагивают его напряженные мышцы, слышала, как тяжело он дышит. Его горячая шкура приятно грела ее замерзшие руки. Она нежно шептала ему в ухо разные глупости.

– Я заплатила. Кроме того, это для всеобщего блага, – сказала она Фаразару, когда конь успокоился.

Конский хребет без седла – не самое удобное сиденье в мире, но она была готова потерпеть, лишь бы ее несли чужие ноги.

– Твою мать! Что это значит? – спросил призрак.

– Ничего, – ответила Нилит, поглаживая бок коня.

– Для твоего блага – возможно.

– Заткнись, я сказала! Ты что, собираешься всю дорогу парить рядом со мной?

Похоже, что именно на это Фаразар и рассчитывал. Он уже зашагал прочь.

– Ты же знаешь – я ненавижу ездить с кем-то на одной лошади.

– Как хочешь.

Она пустила коня рысью и направила его на запад, а когда они перевалили через гребень дюны, перевела коня в галоп.

Фаразар был умен. Устав ее догонять, он сложил руки на груди, словно король, и позволил волшебным узам тащить его вперед. Он не сможет далеко отойти от своего тела до тех пор, пока его не бросят в Никс или пока у Нилит не закончится время. В данный момент это означало, что он будет следовать за лошадьё, словно буй за кораблем. По крайней мере, он перестал болтать. Компанию Нилит составлял лишь шуршащий ветер и идущий галопом конь, об которого она набивала синяки на задней части.

Коня Нилит назвала «Аноиш». Так звали ее любимого старого бога аркийцев.

Нилит думала о том, чтобы дать ему имя красса, но в конце концов решила, что он – конь пустыни, а не степей, и поэтому заслужил пустынное имя. Бог мертвых, несомненно, одобрил бы ее действия. Нилит всегда подозревала, что боги не умерли, а просто наблюдают, но в Арке людей с такими взглядами считали безумцами.

После восхода солнца Аноиш шел галопом несколько часов, но в конце концов жара его одолела. Он начал сбавлять шаг и тяжело задышал. Нилит не хотела падать с лошади на землю второй раз за неделю, поэтому дала ему отдохнуть. Ягодицы поблагодарили ее за это, но каждый шаг вызывал новую боль или заставлял вспомнить об уже забытой язве между пальцами ног.

Фаразар – светло-голубой в резком солнечном свете – держался подальше от нее и с задумчивым видом поглядывал через плечо.

Уже после полудня они нашли неглубокую ложину, пересекавшую Долгие Пески, уходя на северо-восток, и Нилит дала коню отдых, а сама поела сушеного мяса, запивая его водой. Аноиш нашел какие-то кусты и принялся обгладывать их тощие веточки. Фаразар по-прежнему молчал и, несомненно, готовил новые оскорбления, которые вывалит на нее позже. Нилит ухмыльнулась ему. За много лет она уже слышала практически все, но ей всегда было забавно понаблюдать за тем, как он пытается придумать что-нибудь новое.

Когда передышка подошла к концу, Нилит пустила Аноиша рысью по ложине. Время от времени, когда дорогу им преграждала заблудившаяся дюна, они снова поднимались наверх – туда, где царила обжигающая жара и все было залито солнечным светом. У скатившегося сверху валуна они спугнули пару газелей – полосатых, черно-коричневых, с ветвистыми рогами. Тонконогие животные одним прыжком выскочили из ложины, растворившись в облаке песка.

Когда тропа стала забирать слишком сильно на восток, они снова двинулись через пески. Поднявшись на вершину очередной дюны, Нилит остановилась, чтобы осмотреться. Вдали высилась Лестница Оширима, закрывая собой Аракс. Эти горы были всего лишь черным пятном на горизонте, но они все равно наполняли ее ужасом. Она разберется с ними, когда придет время – но ни минутой раньше. Между ними лежали Долгие Пески – восхитительный край невысоких дюн и голых, без единой травинки, равнин. Ландшафт пересекали красные, белые и желтые полосы солончаков. Там, где ветры сталкивались плечами, танцевали вихри.

Услышав голос Фаразара, Нилит чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Ох ты... Нилит!

– Что?

Не получив ответа, она обернулась и увидела, что Фаразар указывает назад, на охристую равнину, которую они только что пересекли. Где-то вдали, подрагивая в дымке, по их следу шли три черные точки.

– У нас гости, – оскалилась Нилит.

– Похоже, тебе следовало ограничиться кражей воды.

– Заткнись. Они будут здесь через час или два, не раньше.

Фаразар радостно потер руки.

Подтянув веревки, которыми было привязано тело, и снова успокоив Аноиша, Нилит достала медный кинжал.

– Садись на лошадь.

– Нет, – ухмыльнулся Фаразар.

– Садись на лошадь, или я отрежу то, что тебе дорого. – Ее взгляд скользнул вниз по обнаженному телу и остановился на его весьма среднем мужском достоинстве.

– Валяй. Все равно он мне не нужен!

– Мой милый муж, ты не умел им пользоваться, даже когда он был нужен. А теперь садись на лошадь, живо.

– Нет.

Нилит поцарапала ножом внутреннюю поверхность бедра Фаразара в опасной близости от его самых драгоценных частей тела. Он взвизгнул – и от удивления, и от боли.

– Ладно!

Фаразар с трудом залез на Аноиша и, сгорбившись, сел, а затем его примеру следовала Нилит. Теперь его пары сгустились, и она почти чувствовала очертания его тела у своей груди.

Он был холодным, и она снова возненавидела себя за то, что этот холод приносит ей облегчение в жару.

– Йа! – крикнула она, заставив призрака поморщиться.

Они мчались галопом до самого вечера; если Аноиш замедлялся, Нилит подстегивала его все сильнее. Когда солнце село, окунув весь мир в золото, она увидела блеск металла на фигурах вдали. Весь день они шли вровень с Нилит – не догоняли, но и не отставали. Похоже, они просто выжидали, а так могут действовать только те, кто обладает преимуществом – и терпением.

Ночь превратила исходящий от Фаразара холод из благословения в проклятие. Нилит отстранилась от него как можно дальше, но все равно не могла сдержать дрожь. «Нужно побыстрее поменяться местами», – подумала она.

Аноиш подвел ее, когда над черным горизонтом протянулись пальцы зари. Как ни лупила Нилит пятками по его бокам, конь перешел с галопа на кентер, затем на рысь и в конце концов остановился.

Нилит соскользнула с него, держа в руке флягу. Наливая из нее в пригоршню, она позволила коню выпить остатки воды. Фаразар наблюдал за ней.

– Ты от них не оторвешься. К полудню ты уже будешь без рук – или, что еще лучше, умрешь.

– Ага, надейся, – ответила Нилит. – Но я снова тебя разочарую.

Ей было больно признать, что Фаразар прав, и от этого ее настроение испортилось. Да, Аноиш сможет идти рысью, но большой скорости он ей не даст. Она оглянулась, пытаясь разыскать в сумерках какие-нибудь скалы. Дюны расплющились, переходя в еще одну равнину, словно сама земля пала ниц перед далекими горами. Поблизости не было даже крошечной тени, в которой можно укрыться.

Преодолев еще милю по неглубокой котловине, покрытой розовой солью, Нилит повернула на восток, чтобы запутать преследователей. Нилит бежала рядом с лошадью, мирясь с тем, что Фаразар не умолкал. Его призрачные губы не научились свистеть без помощи легких, поэтому он принялся что-то напевать себе под нос.

Она уже потянулась за кинжалом, когда Аноиш заржал и резко остановился. Нилит отбросило назад, прочь от края ямы, которую она не заметила. Перед ними было небольшое углубление, появившееся в результате проседания дна долины. В сумеречном свете и усиливающейся дымке яма исчезала из виду уже на расстоянии в сорок футов.

Нилит немного отбежала назад, чтобы еще раз все проверить, а затем потерла друг о друга загрубевшие ладони.

– Слезай, – приказала она призраку.

Презрительно посмотрев на нее, он подчинился.

– Не ожидал, что ты станешь прятаться. Это же так трусливо.

– Кто бы говорил.

Нилит проследила за тем, чтобы Аноиш не сломал себе что-нибудь, спускаясь в яму. Его голова торчала над краем, и ей пришлось убеждать его, чтобы он лег. Ради этого она даже сняла с него часть груза.

– Хороший конь.

– Думаю, именно поэтому они хотят его вернуть.

– Заткнись.

Угрозу дополнила вспышка меди: кинжал был уже извлечен из ножен. Фаразар прикусил язык и, повернувшись, стал смотреть на верхушки далеких дюн.

Черные точки догнали их почти через час. Этот драгоценный час Нилит провела под лучами восходящего солнца, чувствуя себя свиньей, которую жарят на вертеле.

Ее маневр не обманул их; у нее не было ни времени, чтобы замести следы, ни пальмовой ветви, с помощью которой это можно было сделать.

Нилит зашипела и ударила призрака по руке – почувствовав не плоть, а холодный колющий воздух.

– Ложись! Ты слишком ярко сияешь.

– И кто в этом виноват, кровожадная мегера? Это же ты превратила меня в... В эту... полужизнь!

Она видела, что ему больно использовать подобное ругательство, говоря о самом себе. Почему-то это доставило ей удовольствие. Она помахала перед ним кинжалом.

– Не сейчас.

Сжавшись в три погибели, Нилит поглаживала горячий бок Аноиша, чтобы он не дергался. Конь прикрыл глаза; его длинные темные ресницы были присыпаны песком.

Минуты ползли, словно ленивые червяки, и постепенно черные точки превратились в подрагивающие фигуры всадников. Их лошади были выше Аноиша. На поводьях виднелись самые обычные самоцветы: те, кто жил за пределами Просторов Аракса были бедны, и серебра у них не водилось.

Набравшись храбрости, Нилит выглянула наружу и увидела широкие и изогнутые клинки из стали и меди, лежавшие на коленях всадников. Загорелые лица ее преследователей были замотаны полосами из желтой хлопковой ткани, словно у трупов, которых сейчас опустят в Никс. Из тряпок на головах торчали светлые шипы, похожие на иглы свиноежей из Красса.

Жители пустыни и кочевники происходили из древних родов. Их предки слишком долго прожили в песках, и пески их изменили – по крайней мере, так гласили легенды. У большинства из них были рога или козлиные глаза, а у кого-то головы как у насекомых, но иглы Нилит никогда не видела. Она не посмела смотреть на них долго, но слышала, как иглы негромко постукивают.

Когда люди широким строем подъехали поближе к яме, Нилит приложила палец к губам. Ближнего из них можно было бы легко подстрелить из лука. Не сводя глаз с Фаразара, Нилит слушала, как хрустят под копытами кусочки соли. Под его подбородком дрожало лезвие медного кинжала. Чем ближе подъезжали всадники, тем быстрее билось ее сердце – но затем стук копыт, к счастью, начал стихать.

– Повезло, – выдохнула Нилит, когда всадники отъехали далеко.

Фаразар сидел с кислой миной, словно только что съел лимон.

– Даже слишком. Ничего, скоро удача от тебя отвернется, – сказал Фаразар.

Она ткнула его еще раз.

– Тупица, вдолби в свою тупую голову: то, что происходит со мной, влияет и на тебя. Может, ты попадешь в какую-нибудь лачугу или будешь лет сто ходить с караваном. А может, тебя отправят в какую-нибудь колонию посреди пустыни.

Фаразар попытался плюнуть, но в результате яростно забулькал.

– Лучше так, чем служить тебе!

Нилит с улыбкой похлопала по лежащему рядом с ней труп.

– Посмотрим. А пока что прикуси свой голубой язык.

Вставать Аноиш не хотел и недовольно ржал, но с помощью последней пригоршни ягод Нилит уговорила его подняться.

Фаразар снова летел позади благодаря магии, а Нилит пару часов проехала верхом, после чего спешила. Вонь, исходившая от трупа, достигла нового уровня, и совсем скоро Нилит пришлось дышать только ртом и держаться от коня как можно дальше.

Всю вторую половину дня они шли – медленно и устало. Нилит постоянно оглядывалась и кусала губы. Всадников она больше не видела и, когда тени от дюн начали удлиняться, наконец-то смогла расслабиться.

Лагерем в тот вечер для них стала небольшая впадина на каменистом склоне холма. Даже накрывшись одеялом и курткой, Нилит дрожала, но разводить костер не посмела. Она прижалась к Аноишу, но все равно не могла согреться. Возможно, все дело было в Фаразаре, который сидел напротив нее и светился сапфировым цветом, словно гаснущая масляная лампа. Его глаза, как и звезды, были блестящими и холодными.

Он снова играл в гляделки. Его длинные, до плеч, волосы медленно развевались вокруг него, словно щупальца медузы. Его свет отражался от серой каменной стены. Фаразар все еще был голым, как и в тот день, когда он вылез из грудной клетки своего трупа, словно жук – из старого панциря. Раны на своей шее он совсем не стеснялся.

Фаразар уже привык к своей призрачной форме, и это создало для Нилит новую проблему. Скоро он сможет трогать вещи, держать их в руках, и даже выхватывать острые предметы из-за пояса и втыкать их в грудь их хозяев. Призраки – или «тени», как упорно называли их аркийцы, словно это как-то скрывало их природу – были далеко не безобидными. Да, они не отличались особой силой, а по твердости могли сравниться с пуховой подушкой, но они вполне были способны пользоваться предметами – например, ударить человека камнем или воткнуть в него что-то острое. Если учесть, что призраки никогда не спали, то у Фаразара появлялась возможность отомстить. Душа у него была достаточно черной для такого дела. Его холодный взгляд лишь подтверждал это.

– Еще жалобы есть? – с вызовом спросила она.

Он прищурился; на его губах снова заиграла эта ухмылочка. Он заговорил медленно и спокойно, но она слышала, что в его голосе скрыта ярость.

– Сначала я полагал, что мое убийство – один из твоих чудесных уроков; последняя попытка научить меня, глупого аркийца, уму-разуму. Столько лет, столько десятилетий ты читала мне скучные лицемерные проповеди, а сейчас, когда я невольно – во всех смыслах этого

слова – оказался втянут в какое-то огромное приключение, ты еще не произнесла ни одной речи, посвященной великой победе надо мной. Это совсем на тебя не похоже. Это возбуждает во мне любопытство.

Нилит вздохнула. Она слишком устала, чтобы играть в его игры, и разбираться с его уловками.

– Это не какой-то важный урок, Фаразар. Я не учила тебя, а излагала свою точку зрения. Просто мои взгляды противоречили твоим устаревшим аркийским традициям. Перестань уже искать оправдания. Мы оба знаем, что происходит: я убила тебя и волоку тебя в Аракс, а когда мы доберемся до Великого колодца Никса, я превращу тебя в раба и заберу себе твое имущество. – Она взяла медную монету, висевшую у нее на шее, и ткнула ею в его сторону. – Все просто, Фаразар, и чем скорее ты это поймешь, тем более тихим и спокойным станет это путешествие – по крайней мере, для меня.

– Я и так наслаждался тишиной и покоем, пока ты не решила выследить и хладнокровно убить меня.

Нилит зацокала языком. В Крассе это считалось проявлением неуважения, и она не забыла это, даже прожив много лет в Арке.

– Трахать шлюх, пить и курить, доходя до скотского состояния – это, по-твоему, тихая и спокойная жизнь? Всем этим ты мог бы заниматься и в Араксе, но ты почему-то предпочел трусливо сбежать от меня и уйти далеко на юг. Оргии в городе тебе наскучили, муж мой?

– Я полагал, что в Эде меня не достанут негодяи, мечтающие перерезать мне глотку и ограбить – и вот к чему это привело! И, строго говоря, это были не «шлюхи», а дочери герцога Голджара. Ты сама бы это узнала, если бы не выбила из них дух, прежде чем воткнуть в меня нож.

Он потрогал свое горло.

– Да мне плевать! – усмехнулась Нилит. – Ты мог бы окружить себя целой армией и уйти вместе с ней за границу карты, и я все равно бы тебя выследила. Я слишком много времени провела в твоей тени, в том злопамятном городе. Я мечтаю о переменах, Фаразар, и чтобы их добиться, мне нужен твой труп.

Фаразар помрачнел. Его спокойствие дало трещину.

– Чего только не узнаешь после двадцати лет супружеской жизни, а? Я думал, что жена-чужестранка – беспроблемный вариант. Даже не подозревал, что тебе хватит смелости убить меня, но теперь вижу, что твоя алчность не знает границ. Возможно, в твоих жилах тоже течет кровь аркийцев, – прошипел он.

Эти слова задели Нилит, и она вскочила, забыв обо всем.

– Самовлюбленный хрен! По-твоему, мною руководила только жадность? Значит, ты еще глупее, чем я думала!

Фаразар тоже вскочил; его лицо перекошилось от злости. Нилит поняла, что отреагировала именно так, как ему нужно.

– А ты – грязная фермерша из Красса! Твой отец мечтал поскорее сбыть тебя с рук! И теперь ты хочешь сделать меня своей собственностью? Ну что ж, удачи, тварь! Каждый шаг на этом пути станет для тебя битвой! Я буду махать каждому кочевнику и торговцу, буду орать во все горло на каждой улице. Тебе сильно повезет, если ты вообще сможешь выбраться из города! Я позабочусь о том, чтобы ты поплатилась за свои преступления!

– Ха! Ты возлагаешь такие надежды на жителей Арка, но забываешь, какие они кровожадные. Валяй, кричи! Для них ты просто свежий призрак; они и слушать тебя не станут, а мигом тебя поработят! Мы с тобой знакомы уже двадцать два года, и мне известны все твои грехи и недостатки. Тебя переполняет ненависть, злоба и жадность, но больше всего в тебе гордости. Ты никогда не сможешь стать рабом-призраком какого-то фермера, разводящего жуков, и поэтому сейчас будешь вести себя так же тихо, как и твой труп!

Нилит угрожающе похлопала по рукояти кинжала.

Призрак потемнел, став почти фиолетовым.

– Тогда я порву свое тело на части, если нужно, или брошу его в ближайший колодец Никса – хоть с монетой, хоть без. Ты никогда меня не поработишь, Нилит, клянусь. Никто меня не поработит! Я либо обрету свободу и буду беззаботно веселиться в загробном мире, либо отправлюсь в пустоту – но не позволю тебе встать на мой труп и забрать то, что принадлежит мне!

Ответить Нилит не успела: стрела порезала заднюю часть ее голени и воткнулась в песок. Нилит то ли упала, то ли бросилась на землю в тот самый миг, когда еще одна стрела отколола кусочек камня в скале рядом с ней. Нилит увидела, как темное оперение стрелы окрашивается кровью.

Фаразар немедленно забыл про свою ярость и сжался в комок, вздрагивая при каждом стуке, который издавала очередная стрела. Ему ничего не угрожало, ведь наконецники не были медными: похоже, что нападавшие совсем не собирались причинять вред своей добыче.

Аноиш, привязанный к камню чуть выше по склону холма, встал на дыбы и заржал. Нилит бросила взгляд вниз и заметила три знакомые фигуры, которые скользили вверх по каменистой осыпи. Двое стреляли из луков, пока третий лез наверх; затем он останавливался и сам начинал стрелять, а двое, тем временем, его догоняли. Эта умная тактика не давала Нилит шанса сбежать.

Нилит стиснула рукоять кинжала и приготовилась к прыжку.

Ей не пришлось долго ждать.

Первая фигура влетела в котловину; желтые полосы ткани, намотанные на ее голову, развевались за ней, словно знамена. Пепельно-серые иглы, торчавшие из ткани, постукивали, когда она, пригнувшись, переводила взгляд с призрака на нее. Судя по облику, это был мужчина. Он занес над головой изогнутый меч.

Он слишком долго медлил. Нилит метнулась к нему, несмотря на обжигающую боль в ноге, и ударила его в грудь, вложив в удар весь свой вес. Она повалила врага на землю и услышала, как его голова с хрустом ударилась о камень. Ее клинок прошел по его горлу, и кровь по дуге взлетела в воздух. Она стащила с плеча мужчины лук, положила стрелу на тетиву, и как только появился второй человек, выстрелила в него. Стрела воткнулась ему прямо в лоб и поднялась, словно флагшток, когда человек запрокинул голову. Он зашатался, а затем исчез во тьме.

Когда эхо его падения затихло, на холме воцарилась тишина. Последний враг прятался где-то внизу, поджидал Нилит. Следующая стрела задрожала в ее руках.

– Вставай, – прошипела она Фаразару, который по-прежнему лежал рядом, сжавшись в комок.

– Что?

– Вставай и иди! На них нет меди, тупица!

Нилит яростно взглянула на него, но он не сдвинулся с места. Где-то внизу захрустели камешки.

– Хочешь потратить остаток своих дней, служа какому-нибудь козопасу? Шевелись, Фаразар!

Встав, призрак пошел по котловине – и тут же взвизгнул: стрела с шипением пролетела сквозь него и лязгнула, ударившись о камень.

Нилит с трудом поднялась и неловко отправила стрелу в ночь. Стрела попала человеку в бедро, и он заковылял прочь, но Нилит уже зашагала вслед за ним по склону, сжимая в руке окровавленный кинжал. Это была гонка двух раненых и хромых, которые боролись за единственный приз – возможность выжить.

Найдя более ровный участок, человек решил дать бой. После каждого тяжелого вздоха шевелились обмотки вокруг его рта. Поблескивал изогнутый клинок его меча. Нилит поманила врага кинжалом, и он выругался на незнакомом ей языке.

Размахивая мечом, словно мельница, он пошел в атаку. Нилит отступала, уклоняясь от ударов. Ей нужно действовать очень четко. Здесь нет места для хитроумных приемов, финтов и защит. Если она попытается остановить стальной клинок, он разрубит ее медный кинжал надвое.

Враг издал воинственный клич, но почти сразу умолк: Нилит ударила ногой по стреле, все еще торчавшей из ноги человека. Раздался треск. Взвизгнув, человек замер, и, воспользовавшись этим, Нилит вонзила кинжал ему в живот. Удерживая клинок на месте, она заглянула в его темно-карие глаза. Они закатывались, а иглы на голове, наоборот, опускались, словно увядая. Слова замерли на ее губах – она произнесла их, когда уже было поздно.

– Прости.

Когда она позволила телу врага упасть на гравий, ее догнала боль. Одна нога была в огне, и сапог казался горячим и мокрым от крови. Проклиная все на свете, Нилит забралась обратно на холм. Добытый в бою ятаган она положила на плечо.

Появление Нилит удивило Фаразара даже больше, чем свист над его головой. Этого следовало ожидать; за столько лет их брака он никогда не видел ее с мечом в руках.

– Хочешь еще что-нибудь сказать, муж мой? – спросила она и, собрав стрелы, стала искать место, где можно сесть. – Помашешь рукой кочевникам? Выкрикнешь что-нибудь в ночи?

– Нет, – ответил он, глядя на то, как она выливает кровь из сапога.

Нилит заметила выражение его лица и, несмотря на пульсирующую боль и на кровотокающую рану на голени, она невольно рассмеялась.

– Похоже, что после смерти ты начал терять память, муженек. Ты называешь меня крассом, стремясь оскорбить меня, но забываешь, что это для меня значит. Наши матери не выталкивают нас из утробы – нет, мы сами процарапываем себе путь наружу, и поэтому рождаемся бойцами. Ты называешь меня фермершей, но забываешь, что до Аракса я жила в тренировочных лагерях Сараки и охотилась в сосновых лесах. Ты забыл, кто я, и поэтому недооценил меня, совершив страшную ошибку. Ты хотел получить урок, муж мой, так вот тебе урок. Давай, угрожай мне. Посмотрим, много ли от тебя останется, когда мы доберемся до города.

Нилит усилила свою угрозу, щелкнув ногтем по клинку ятагана. Посмотрев в белые глаза Фаразара, она увидела, что он все понял – то, что она не только опасна, но и настроена решительно.

Вздернув губу, Фаразар отвернулся, выглядывая что-то среди звезд.

– А ты спрашиваешь, почему я не хотел брать жену из Красса, – пробурчал он.

Глава 5. Рынок душ

По последним подсчетам, Аракс состоит из трех тысяч сорока шести округов, не считая Просторов. Во всех них, предположительно, постоянно обитает четыре миллиона жителей, как живых, так и мертвых.

«Устав города Аракс», 1003-й год по аркийскому летоисчислению

Люди в длинных одеждах и перчатках с нашитыми на них медными нитями пришли за нами на заре.

Они вызывали нас по одному, выкрикивая наши имена – имена призраков. На свое имя я не откликался, и поэтому меня силой выволокли из клетки. Наши шеи обмотали толстой веревкой, и что-то в ее волокнах вызывало у меня зуд. Когда ее натягивали, она сильно давила на мои пары, словно они снова превратились в плоть. Должно быть, в веревке была медная основа.

Босс Темса и его душекрады не сидели сложа руки. Теперь нас стало двадцать – такой улов они добыли за две ночи. Некоторые умерли даже менее двух часов назад; их можно было отличить по безумным глазам и почти прозрачным парам. Они в отчаянии бросали на меня взгляды, но я делал вид, что не замечаю их. Время, проведенное в клетке, ожесточило меня, и я не мог думать ни о чем горе, кроме своего.

Темса ждал в зале со сводчатой крышей, рядом с которым стояли две крытых повозки. За широкой полуоткрытой дверью виднелась улица, залитая солнечным светом. Темса опирался на трость, ухмылялся в темную бороду – недавно расчесанную. Сегодня Темса был в темно-синем, расшитом золотом костюме; на его груди висели серебряные цепи, а на каждом пальце красовались перстни. Трость, на которую он опирался, была сделана из обсидиана. Его борода была умащена, а морщинки в уголках глаз присыпаны цветным порошком. Рядом с Темсой стояла Джезебел с огромной секирой в руке, а позади нее слонялась без дела шайка наемников в черной одежде.

– Грузите их, – приказал Темса и постучал по колесу повозки, а затем обратился к нам. – На рынке ведите себя прилично, поняли? Покупатели щедро платят за идеальных слуг – вежливых и смирных. Если будете валять дурака, отправитесь на север – работать в порту или на заводе!

Мои собратья-призраки застонали.

– Джезебел! – крикнул Темса. – Вытащи искалеченных вперед и припудри. Солнце нам все портит.

Из строя вывели шестерых, в том числе меня. Одному из нас так сильно рассекли мечом ключицу, что его голова, казалось, может в любой момент упасть. У другого из разреза в животе выглядывали кишки. Кеч со светящимися следами от когтей тоже был здесь. Он, как обычно, с ненавистью и укором взглянул на меня, а я – вежливо, одними губами – посоветовал ему совокупиться с самим собой. Это из-за него я здесь. Во второй день пребывания в клетке он попытался меня задушить, но, вместо того чтобы умереть, я лишь почувствовал дуновение холодного ветерка у своего горла, и это страшно меня развеселило.

Ко мне подошли мужчины в длинных одеяниях; в руках они держали глиняные миски с голубым порошком.

Изо всех сил стараясь не прикоснуться ко мне, они бросали щепотки порошка на мою шею и живот. Порошок прилипал к моим ранам и даже вращался вместе с медленными потоками моих паров. Белые шрамы на моем теле слегка потускнели, но не исчезли.

Темса подошел поближе, чтобы осмотреть меня.

– Тебе это с рук не сойдет, – сказал я, глядя на него сверху вниз.

Он, очевидно, уже слышал подобные угрозы бесчисленное множество раз.

– Ты орешь об этом уже два дня. Давай, Расскажи мне о том, что у тебя дела в Небесной Игле! Какое беззаконие! Просто ужас! Не бойся, тень, скоро до тебя дойдет. А если не дойдет, то новый хозяин сам вобьет в тебя немного ума.

Я пробормотал какую-то непристойность.

Это Темсу не удовлетворило, и он помахал острым металлическим наконечником трости перед моим лицом.

– Будешь так ругаться на рынке душ, брошу тебя в медную дробилку. Думаешь, боль – это только для живых? Ты еще не знаешь, что тебя ждет после смерти.

Испугавшись, я прикусил язык и позволил работникам Темсы утащить себя. Мы заполнили внутреннее пространство повозки нашим сиянием: десять призраков и охранник. Щелкнул кнут, и повозка выкатилась на улицу, освещенную светом зари.

До сих пор я успел увидеть лишь пару переулков Аракса, острие ножа и грязную клетку и поэтому сейчас крутил головой, чтобы получше рассмотреть окружавшие меня величественные шпили. Мне словно было нужно раз и навсегда доказать, что это не кошмар, не навеянный каким-то демоном сон.

Но они действительно стояли передо мной – могучие башни Аракса из песчаника, мрамора и привозного гранита. Какие-то из них были скрученными в спираль и острыми, словно иглы, другие представляли собой пирамиды с широкими основаниями. Казалось, что здания Города Множества Душ соревнуются между собой: каждое из них стремилось достать до солнца. Они тянулись в светлеющее небо, блестяще-желтые с одной стороны и бесцветно-темные – с другой. Их красота не укрылась от меня.

Аракс был похож на горный хребет, созданный какими-то мощными природными силами, и здесь могучими были не только пики, но и подножия. Даже на уровне улиц здания пытались карабкаться наверх. Дома и невысокие башни изгибались, скручивались, стараясь пробиться наверх, или, словно моллюски, цеплялись за более древние постройки. Утреннее солнце окрашивало побелку и необожженный кирпич в розовые и оранжевые тона. Почти на каждой крыше были натянуты веревки; то здесь, то там виднелись подъемные механизмы. Между флагами на башнях и шпилями гонялись друг за другом стаи голубей и скворцов.

А над всем этим возвышались дома богачей. Башни отбрасывали на улицы длинные тени. Между ними раскинулась паутина дорог и величественных мостов, тянувшаяся к центру города – туда, где дома образовывали корону вокруг Небесной Иглы. Ее вид ошеломлял. Все остальные башни были, по крайней мере, вдвое ниже ее. Она возвышалась над всеми.

Когда мне надоели небеса, я обратил внимание на канавы – и понял, как Аракс получил свое прозвище. Толпы призраков плыли по улицам, раздуваясь на каждом перекрестке, словно притоки огромной реки. Живые были лишь мусором, щепками, плывущими среди этих толп. День торговцев, горожан, нищих и путешественников, более удачливых, чем я, начинался с того, что им приходилось расталкивать локтями призраков. Это было жуткое зрелище, которое не увидишь в городах Красса – ни в благородном Таймаре, ни в столице Сараке, где улицы просто припорошены, а не наводнены мертвецами. Но, с другой стороны, мы, жители Красса, измеряем богатство не числом душ, а количеством старого доброго серебра.

Я понял, что хочу увидеть больше живых, и стал искать их в светящихся толпах. Рыцари, закованные в медь и сталь, занимали места в своих будках или на перекрестках, где стояли засыпанные песком безголовые статуи мертвых богов. Пекари и кузнецы разводили костры. Владельцы лавок и чайных домиков распахивали двери своих заведений и раскладывали на земле подушки. Рядом с курильнями и игорными домами уже повисла дымка. Какой-то старый хрыч, обернувший голову седой бородой, словно тюбаном, сидел на пороге одного из домов и

играл на чем-то вроде закрученной флейты. Флейта завывала. Перед стариком плясала желтая крыса.

Время от времени через толпу проезжал фургон или телега, запряженные крепкими лошадьми или огромными насекомыми. Последние на моей родине встречаются редко, и поэтому я во все глаза разглядывал жуков с изумрудными рогами, похожими на ветвистые деревья, и на черных волосатых пауков, которые поскрипывали при каждом шаге, и на длинных сороконожек. Время от времени одна из сороконожек вставала на дыбы, размахивая колючими лапами, и шипела на то, что преградило ей путь. Тогда начинали шелкать кнуты, и сороконожка с грохотом опускалась на землю. Бронированные пластины на их спинах вздымались при ходьбе, а ноги раскачивались, словно волны, приближающиеся к берегу.

Мне рассказывали о том, что аркийцы обожают огромных насекомых, которые живут в пустыне. В отличие от них мы, крассы, полагаемся на более умных животных – лошадей, пони, коз и даже волков. В их глазах больше осмысленности, чем во взгляде жука. Лично мне казалось, что эти насекомые постоянно принимают решение – съесть тебя или нет. Именно так поступали их дикие братья – «дюнные драконы», подманивавшие жертв, в том числе неосторожных путников, с помощью светящегося щупальца.

Мое внимание привлекло облачко цветного дыма, и, повернувшись, я увидел бесконечный ряд уличных кухонь. В дверных проемах или под кусками парусины, повешенными на опасно низкой высоте, стояли жаровни – простые или с черными решетками. На этих жаровнях лежали вертела и шампуры с насаженными на них кусками говядины, курицы и дичи, замаринованными в ярких красных и желтых смесях. На раскаленных углях жарились ноги – мне показалось, что жучиные. На покосившихся столах стояли стеклянные банки с соками всех цветов радуги, окруженные соответствующими фруктами и овощами. Половина из них были мне незнакомы.

Я испытываю опьянение, когда взламываю замки и краду чужие вещи, но в остальном я человек нетребовательный: мне нужен только свежий воздух, еще одно тело в моей постели, и, как можно судить по моему круглому животу, пиво и еда. На проклятом «Лососе» я пускал слюнки, думая о том, как наемся западной еды. Я долго и упорно представлял себе дурманящие ароматы и сладости, которыми славилась аркийская кухня. Однако сейчас мои ноздри не ощущали ничего. Я так долго и упорно втягивал в себя холодный воздух, что даже поймал неодобрительный взгляд охранника, но мой мир так и остался лишенным запахов. Вот еще одна обида, которую можно добавить в общую кучу. Удивительно, как сильно человеку не хватает того, чего он лишился. В ту минуту я был готов нырнуть в нагретую солнцем канаву, только чтобы снова ощутить запахи.

Фурунги остановились на широкой площади, по краям которой стояли старые кирпичные башни; установленные на ней ярко-алые навесы создавали тень. Темса постучал тростью по спинкам скамеек, приказывая нам, призракам, вылезать. У него на лбу выступили капли пота: должно быть, воздух нагревался с каждой минутой, однако я не чувствовал ничего, кроме холода.

Нас, призраков, построили в аккуратную шеренгу по росту, и я воспользовался случаем, чтобы получше рассмотреть рынок душ. Небольшие группы покупателей в дорогих одеждах уже начали собираться у лавок; торговцы старались развлечь клиентов до тех пор, пока не прибыли товары – кто-то выносил шкворчащие сковородки для тех, кто еще не позавтракал, кто-то предлагал покупателям кнуты, трости, оковы и кляпы, на которых поблескивала медь.

Позади нас располагалась деревянная платформа высотой около трех футов. Рядом с ее углами были установлены столбы, вокруг которых натянули позолоченные канаты. Рядом с платформой собрались стайки невыспавшихся мужчин и женщин в белых шелковых плащах. В руках они держали свитки и были похожи на чиновников. Тот факт, что душами торгуют не в каком-то погребке, а на разрешенном, узаконенном рынке, почему-то пугал меня еще больше.

Аркийцы, похоже, думали о смерти и рабстве меньше, чем пьяница, которому предложили еще один глоток пальмового самогона. Если бы я уже не чувствовал смертельный холод, то поежился бы, и только страх того, что меня отправят на завод, помешал мне громко проклясть их всех.

Начали прибывать другие повозки, и я стал смотреть, как на песок вылезают призраки. Интересно, их пригнали другие душекрады? Если да, то кто более жесток – Темса или они? Мысль о том, что сейчас на площади стоит сотня призраков, которых, возможно, убили, потрясла меня. Наверняка тут были и честные торговцы, которые извлекали прибыль из несчастных случаев и болезней. Определение «смерти в смятении» в «Догматах» было удивительно расплывчатым. Я слышал, что в Арке человека, умершего в преклонном возрасте, считали счастливчиком.

Босс Темса стоял поблизости, увлеченный разговором с чиновниками. Они, похоже, о чем-то торговались, но перешептывались так быстро, что я ничего не мог разобрать. Когда они договорились, у канатов уже начали собираться люди.

Вскоре стало ясно, чего добивался Темса: того, чтобы его не поставили в расписание первым. Потенциальных покупателей было мало, и они, как и день, еще не разогрелись. Темса выглядел уверенно, когда первую группу товара вывели на платформу под присмотром вооруженной охраны. Призраки были голые, как и я. Мой взгляд переходил от одной раны к другой, и я беспомощно сравнивал себя с ними. Это было мерзко: чтобы удовлетворить свое тщеславие, я надеялся, что кому-то сейчас хуже, чем мне. Правда, в тот момент я был в отчаянной ситуации, и мне хотелось найти в ней хоть что-нибудь хорошее.

Один из чиновников поприветствовал собравшихся на аркийском, а затем перешел на общий язык и начал торги. В паузах между предложениями его голова ныряла вниз: он сверялся со свитком, который держал в руках.

– Партия босса Убехта. Состоит из девяти душ, срок порабощения – малый или средний. Часть из них – опытные мастера, а остальные годятся для тяжелой работы. Кто заявит о своем интересе?

Покупатели предлагали цену медленно, с долгими паузами, осторожно поднимали руки.

Потребовалось несколько минут, чтобы пара тощих призраков ушла за пятьдесят пять монет, и, видя это, Темса посмотрел на свою огромную телохранительницу и рассмеялся. Джезбел еле заметно улыбнулась в ответ.

Затем на платформу вывели другую группу – еще более жалкого вида, чем первая. Один призрак был особенно взволнован: он натягивал веревку, которой был связан, и корчил рожи толпе.

Если бы он не был мертв, то можно было бы предположить, что он страдает от серьезного запора.

Но сейчас он был просто искалечен страхом.

Женщина в роскошной шубе из шкуры леопарда вышла вперед и взмахом руки попросила аукциониста удалиться. Ее глаза казались дымчатыми от пепельной и оранжевой краски, а губы были выкрашены в золотой цвет. На ее худых, покрытых татуировками запястьях болталось бесчисленное множество браслетов. Она двинулась вдоль канатов, разглаживая завитки своих темных волос и расхваливая свой товар.

– Дамы и господа, талы и торы, жители этого прекрасного города! Я представляю вам лучшие души во всем Араксе. Вот повар, который учился на Разбросанных Островах. Швея. Няня. У нас есть даже портной! Зачем торговаться за души низкого качества, если можно купить одну из моих? Барани гарантирует, что каждый работник умер достойной смертью в соответствии с Кодексом и Догматами императора. Я, в отличие от некоторых, никогда не занималась и не буду заниматься кражей душ!

Возбужденный призрак заверещал, не в силах больше сдерживаться:

– Помогите! Пожалуйста, помогите! Она...

Удар медной перчаткой повалил призрака на землю и заставил умолкнуть. Его глаза закатились. Когда охранники потащили его прочь, он ссутулился и был мрачен.

– Она говорит: «Достойная смерть»! – рявкнул Темса и топнул металлической ногой о землю, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. По толпе пролетел смешок.

Женщину по имени Барани это не смутило.

– Кто хочет купить моего первого призрака? – спросила она, изящно взмахнув руками. – Начнем с тридцати! Кто даст тридцать?

Ее громкий голос и быстрая речь привлекли внимание людей. Число покупателей – как и их готовность торговаться – росло.

– Сорок от вдовы Хорикс! Спасибо. И сорок пять от тебя, тал Рашин. Пятьдесят от мастера Вафы.

– Пятьдесят серебряных монет за иссохший труп? – недовольно заворчал Темса у меня за спиной. – Дорогая, давай переходить на яды. Похоже, богатеям нужно именно это.

Госпожа Джезебел что-то утвердительно рыкнула, бесцельно поглаживая пальцем лезвие секиры, висевшей у нее на поясе.

Что-то защекотало мне локоть, и я увидел, что рядом со мной стоит Кеч.

– Надеюсь, тебя отправят в канализацию и заставят сто лет убирать дерьмо.

Не успел я ответить, как Темса ткнул нас обоих тростью.

– Заткнитесь, тупицы, – прошипел он, и Кеч отошел от меня подальше.

С каждой ставкой, с каждым призраком, которого утаскивали с платформы, во мне нарастало беспокойство. Кто из этих богачей станет моим хозяином? Поверит ли он в мою историю? Послушает ли он меня вообще? Вопросы летели, словно вода из пережатого шланга.

Кто-то подтолкнул меня, прервав мои размышления, и я вдруг понял, что уже лезу по короткой лестнице на платформу. Отсюда, с небольшой высоты, толпа выглядела иначе. Я, взломщик, не любил привлекать к себе внимание, и уж тем более – находиться в его центре. Взгляды царапали меня, словно лапки пауков, ползущих по моему обнаженному телу. А пауков я ненавижу.

Вместо того чтобы смотреть на покупателей, я обратил свой взор на Небесную Иглу, возвышающуюся над крышами домов. Я подумал о другой жизни, в которой я не погиб, а прибыл в башню на аудиенцию. Невозможно стать лучшим взломщиком в Дальних Краях, если в тебе нет хоть чуточку дисциплины. За двадцать лет я провалил только одно дело, и мысли об этой неудаче до сих пор причиняли мне боль. Однако теперь я подвел уже второго клиента – и все благодаря Темсе.

Я попытался скрипнуть зубами, но они были словно сделанными из морской губки. Интересно, кто он – мой таинственный работодатель и что ему от меня нужно? *Итейн*. Наверняка он уже обратился к моим конкурентам. К этой проклятой девке Эвалон Эверасс.

Темса уже начал представлять нас, уверенно расхаживая по платформе. Полы синего халата летели вслед за ним, рассекая воздух.

– ...так что, дамы и господа, как видите, сегодня утром я не пытаюсь всучить вам какие-то рваные, занюханные души. Нет, у меня только чисто убитые призраки. Простые, честные, работающие тени, которые не опозорят ваш дом, лавку или завод. Спросите у любого про босса Борана Темсу, и вам скажут, что я торгую только добрым, качественным товаром – и торгую уже много лет. Начнем аукцион!

Я почувствовал, как чужие глаза разглядывают каждый дюйм моего обнаженного тела – изучают, измеряют меня. Давление в моей груди росло, и я вдруг понял, почему тот призрак был так расстроен. Слова вырвались из меня, но за ними не стояли какие-то мысли; вместо того чтобы постоять за благородные идеи возмездия или правосудия, я от отчаяния выпалил:

– Меня убили! Меня заколдовали против моей воли!

– Ха! – невозмутимо усмехнулся Темса. – Он у нас шутник!

Он махнул Ани, и что-то острое кольнуло мне в спину. Мне показалось, что в меня воткнули раскаленную кочергу, и я был вынужден умолкнуть. Покупатели в богатых одеждах со смехом переговаривались, пожимая плечами. В их глазах горел огонь: их возбуждала мысль о том, что они смогут завладеть новыми душами.

– А вот это Амин, опытный и надежный повар, – продолжал Темса. – Кто даст за него тридцать?

Торги продолжались, катились волной в мою сторону. Кеч ушел задешево – вероятно, потому, что его лицо похоже на тыкву. Я радовался этому до тех пор, пока Темса не назвал мое новое имя. Я даже пытался улыбаться, подавляя все чувства, которые бурлили где-то внутри моих паров. Если мне суждено быть проданным в рабство, то пусть все пройдет как следует. Благородный хозяин пригодится мне для достижения моих целей.

– И наконец у нас есть красс Джеруб. Несмотря на весьма нехарактерный для него всплеск чувств, его не стоит списывать со счетов. На самом деле он очень застенчив. Опытный слуга, он проработал пятнадцать лет до своей кончины и еще один год – в рабстве. Только один хозяин после смерти. Я, как опытный торговец душами, полагаю, что из него получится великолепная домашняя тень. Кто даст за него тридцать?

Я обвел взглядом толпу. Никто даже не пошевелился.

Темса выдавил из себя улыбку.

– Двадцать пять?

– Его здорово порезали, Темса! – крикнул какой-то мужчина из задних рядов.

К моему раздражению, Темса удачно отреагировал на эту реплику.

– К сожалению, с ним произошел несчастный случай, в котором участвовал разъяренный мясник. По сравнению с нами, цивилизованными аркийцами, на востоке живут настоящие варвары!

– Дам тебе двадцать, – сказала старая женщина в черной одежде с великим множеством оборок.

– Кто предложит двадцать пять?

Неуверенно и тихо покупатели стали повышать ставки.

– Двадцать два.

– Двадцать три.

– Двадцать четыре! – выкрикнул бледный, похожий на аристократа человек в шелковых одеждах металлических цветов. На его голове красовалась коническая шляпа, а грудь украшали медные медали. Несмотря на то что он был весьма пухлым, его лицо, украшенное пышными усами, напоминало лезвие топора.

– Спасибо, тор Баск! Двадцать пять?

Женщина в черном подняла руку. Я внимательно посмотрел на ее морщинистые смуглые руки и попытался разглядеть лицо под атласным капюшоном.

– Двадцать пять, вдова Хорикс. Кто даст тридцать?

Шляпа Баска закачалась.

– Двадцать семь!

Хорикс снова подняла руку, похожую на голую ветку дерева.

– Двадцать восемь.

– Кто еще готов дать двадцать восемь? – Оглядывая зрителей, Темса водил тростью из стороны в сторону, пытаясь заметить какое-нибудь движение в толпе. Воцарилась тишина. Все замерло.

Поражение было очевидным, и ему хватило ума это признать.

– Продано вдове Хорикс!

Сильные руки стащили меня с платформы, протащили под канатом и направили к бородавчому мужчине, державшему в руках свиток. Я оказался среди других проданных призраков. Кеч тоже был здесь – и, как всегда, свирепо смотрел на меня. Его продали некоему «тору Баску» – человеку, похожему на воздушный шар. Баск бродил рядом, мечтая поскорее осмотреть свое новое имущество. Его усы подергивались, словно он вот-вот чихнет.

К нам подошел Темса; он поставил на папирусе свою подпись – три корявых завитка – и приложил к ней заляпанный перстень с печаткой. Он самодовольно посмотрел на каждого из нас на прощание, а затем, лязгая, направился к своим повозкам. Не помню, в чем именно я поклонился в тот миг, но я точно обещал доставить ему немало горя и мучений.

Меня затолкали в ряд с двумя другими призраками, которых купила Хорикс. Она пришла познакомиться с нами, и теперь я мог как следует разглядеть свою новую хозяйку.

Вдова шла медленно, но целеустремленно, напоминая поднимающийся прилив из черных оборков. Никаких разноцветных шелков, никаких металлических украшений на шее; только капюшон и пышное платье. Ее руки были сцеплены в рукавах, словно у монаха из древних времен. Они высунулись наружу только один раз – чтобы положить туго набитый кошелек на ладонь чиновника в белом плаще. Не глядя на него, она нацарапала свою подпись и поставила печать на его свитке, а затем забрала у чиновника три половины монет. Она смотрела только на нас, на свои покупки. Две белых сферы, висящие в темноте под капюшоном, разглядывали нас, наши раны.

Слева от меня стоял тощий пучеглазый парнишка. Не знаю, выкатил ли он глаза из страха или же потому, что у него не хватало огромной части затылка. Справа от меня была женщина с темными пятнами на горле; по ее щекам, словно побеги плюща, тянулись черные вены. *Горловая гниль*.

– Встаньте прямо! – рявкнула Хорикс, подходя поближе.

Мы сделали все, что было в наших силах, но она все равно неодобрительно зацокала языком. Не знаю, как остальные, но меня целое утро гоняли и продавали, словно скот, и поэтому мне совсем не хотелось быть смиренным.

– Я вижу, что Темса ничему вас не учил.

– Да, мадам, – хрипло ответила женщина, стоявшая справа от меня.

– «Мадам»? У тебя сильный акцент. Я – тал, аристократ этого города. А ты кто? Для красса ты слишком белокожая. Разбросанные Острова?

– Скол.

– Значит, тебя придется обучить. Служанка, да? Или мошенник с золотой ногой снова солгал?

– Няня, мадам.

– Сойдет. Имя?

Я увидел, как на ее губах задрожало и умерло имя, данное ей при рождении.

– Лу... Бела, мадам.

Хорикс жестом приказала ей отойти и повернулась ко мне. Я заглянул в ее капюшон и увидел сеть морщинок на коричневом лице. Я увидел белые сферы, центры которых окрашены в цвет сланца. Она посмотрела на мой живот, затем на медные полумесяцы в своей руке. Вот она, моя половина монеты – замок и цепь, которые приковывают меня к этому миру. Мне страшно захотелось выхватить монету и сбежать.

– Джеруб, если не ошибаюсь? – спросила Хорикс, читая то, что люди Темсы нацарапали на моей монете. – Я забыла, что про тебя болтал Темса, но вижу, что ты не простой рабочий.

– Почти угадали. Укротитель медведей, – ровным тоном ответил я.

Кивнув, она медленно достала из рукава длинный инструмент, похожий на лопаточку. Он, как и ее ногти, окрашенные в рубиновый цвет, поблескивал в лучах утреннего солнца. Стоявшие рядом чиновники рынка душ что-то забормотали, подталкивая друг друга локтями.

Не успел я увернуться, как инструмент со свистом рассек воздух и ударил меня по лицу. Сильная боль разлилась по коже, словно горячий яд по венам.

Хорикс похлопала инструментом по ладони, наблюдая за тем, как я морщусь.

– Попробуем еще раз?

Заставить мою челюсть работать мне удалось не сразу.

– Темса сказал «слуга», но на самом деле я работал с дверями, – добавил я, надеясь получить более высокую должность.

Вдова наклонила голову набок.

– Ты охранял их или ломал?

Лопаточка отлично причиняла боль – но извлекать правду у нее получалось плохо. Это был не первый мой вопрос.

– Ни то ни другое. Я придумывал и делал их. Создавал сокровищницы.

Хорошая ложь танцует совсем рядом с истиной.

Вдова бросила взгляд на Темсу, который в сопровождении Ани Джезебел залезал в свою повозку.

– Ох уж этот Темса... – зацокала языком она.

Я ухватился за подвернувшуюся возможность. Слова, которые нужно сказать, вертелись у меня на языке с тех самых пор, когда меня вывели на помост. Кроме того, мне казалось, что лучше всего – действовать в открытую. Зачем находиться в рабстве дольше, чем нужно?

– Он не просто лжец, тал Хорикс, а еще и убийца, душекрад. Я прибыл сюда по делам и шел на встречу с моим работодателем, но люди Темсы напали на меня и убили!

Вдова Хорикс снова занесла жуткий инструмент, но не пустила его в ход, а посмотрела мне в глаза. В ее взгляде было не больше тепла, чем на продуваемом всеми ветрами горном склоне. Я умоляюще посмотрел на нее, стараясь не дрожать от страха.

Она хладнокровно раздавила мою искру надежды, повернувшись к пучеглазому юнцу. Я опустил голову.

– А ты, мальчик? Мамун, да?

Мальчик задвигал губами, словно научился говорить совсем недавно.

– Мм.

– Более свежий, чем остальные, да? Ты похож на аркийца.

– Мм-фл.

– Ясно. Конюх?

– Грхмр.

Вдова отступила на шаг, чтобы еще раз осмотреть нас, и кивнула: очевидно, ее испытание мы прошли. Она поманила кого-то; человек, похожий на книжный шкаф, вышел из толпы и вразвалочку направился к нам. Он, в кольчуге поверх черной кожаной одежды, выглядел бы грозно даже без пиратской бороды, ряда медалей на мускулистой груди и ножей, висевших на поясе. Он был из тех людей, при виде которых мне хотелось втянуть живот, встать прямее и выставить подбородок вперед в напрасной попытке смягчить удар, нанесенный по моей мужественности. Я знал, что это примитивная, инстинктивная реакция, но до тех пор, пока животное начало не выведут из нас с помощью направленного отбора или обучения, последнее слово всегда будет за ним.

– Этот человек – полковник Хорат Калид. Раньше он служил в армии императора, а теперь командует моей охраной, моим домом и, следовательно, вами. Поклонитесь ему.

Я слегка поклонился.

Полковник, почти такой высокий, как и Джезебел, оглядел нас, презрительно вздернув губу.

– Качество товара падает, – сказал он.

Его голос был похож на стук сталкивающихся камней.

– Для нашего дела они сгодятся, – ответила вдова.

– Вероятно.

Она шлепнула его лопаточкой, но он даже не пошевелился. Медь не действовала на живую кожу, не говоря уже о твердых мускулах и кольчуге.

– Грузите их, полковник. Покажите их Ямаку и Вексу. Они их разместят.

Звеня нашими монетами, она пошла прямо сквозь толпу. На нас она посмотрела всего один раз, и ее взгляд, холодный и пустой, предназначался мне. Я хотел крикнуть ей вслед, заставить ее обернуться. Я был готов вытерпеть еще один удар – лишь бы знать, что меня услышали и поняли.

Полковник связал нас жесткой, колючей веревкой и отвел к телеге. Нам приказали сесть в нее и молчать. Телега, подпрыгивая на ухабах, покатила прочь. Я смотрел, как мимо проплывают шпили, и думал, сколько призраков понадобилось, чтобы их построить. Я думал о том, есть ли такая же высокая башня у вдовы и открывается ли из ее окон прекрасный вид. Я старался любым способом облегчить бремя вечного рабства.

Я попытался решить проблему лучшим способом, который был в моем распоряжении. Замочный мастер работает по принципу заранее выбранного пути: замок может состоять из множества рычажков, шестеренок, пружин и ловушек, но у каждого замка есть только одно решение.

Хороший взломщик – нет, лучший взломщик в Дальних Краях – обладает способностью найти это решение. Если рабство – запертая дверь, за которой находятся правосудие и свобода, значит, мне нужно только одно – взломать замок. В данный момент я чувствовал себя как новичок, который смотрит в замочную скважину и потеет от страха, видя огромное число тяжелых сувальд.

Оказалось, что город еще более капризный и бессердечный, чем мне казалось, и все надежды на то, что мой новый хозяин обеспокоится судьбой украденной души, рухнули. Свобода и возмездие, похоже, ускользали от меня. Но чего я ожидал от аристократов с плотно сжатыми губами и невидящими глазами? Может, сама Хорикс в доле с Темсой? И если это так, то какое ей дело до моего убийства?

– Да пошло оно все, – сказал я.

Нет, я не выкрикнул эти слова, но мне нужно было их услышать, чтобы выплеснуть свою злость. Другие призраки недоуменно посмотрели на меня.

В чем-то они были правы, и именно это подтвердил Калид, ударив кулаком по борту телеги.

– А ну тихо там!

Если жители этого города так презирают живых, то упрямого призрака уничтожат без каких-либо колебаний. На мне они просто потеряют двадцать восемь монет.

Чтобы обрести свободу, я должен быть тихим и умным – как любой настоящий вор. *И еще терпеливым.* Эта мысль слегка меня утешила. Уж если мы, замочные мастера, чем и славимся, так это терпением.

Я положил холодную голову на трясущуюся деревяшку и стал ждать.

Глава 6. Ее время

Чужеродное порабощение появилось уже после того, как люди научились накладывать чары на призраков и мертвецов. Для него требовалось медленное погружение, многодневное одиночное заключение, в течение которого объект успокаивался и начинал чувствовать себя уютно в теле хозяина. Маги всегда предпочитали домашних животных диким, поскольку душа обычно отчасти перенимала природные качества тела, в котором оказалась. Гончие, кошки, большие птицы. Ни одна душа в теле рыбы не выжила. По сравнению с заколдованными мертвецами, такими как души-клинки, существа, подвергшиеся чужеродному порабощению, были значительно менее безумными, но народ все равно отвергал их.

Никсит Шамас «Волшебный свет»

Она шла размеренно, но самозабвенно – так, как кузнец бьет своим молотом. Эхо ее шагов разносилось по просторному коридору, из-за чего казалось, что идет не один человек, а дюжина. Впереди находились большие двери из лакированного заморского дерева, окованные медью и золотом. У дверей по стойке «смирно» стояли два королевских гвардейца, держа на вытянутых руках жуткого вида копьё с крюками. Не останавливаясь, она внимательно следила за ними, мечтала, чтобы они сдвинулись с места – пошевелились, скорчили гримасу за золотыми щитками шлемов, привели в движение свои бирюзовые плащи. *Все что угодно, лишь бы они нарушили свою идеальную позу.* Но они стояли, словно статуи, и это ее раздражало. В любой другой день она бы долго гуляла взад-вперед по залитому солнцем коридору и смотрела на то, как они дрожат от напряжения. Но в такой день, как сегодня, у будущей императрицы Сизин Талин-Реналы Тридцать Седьмой не было времени заниматься подобными пытками.

– С дороги! – крикнула она, подойдя поближе.

Гвардейцы быстро отошли в стороны, наклонив головы.

– Открывайте двери, проклятые твари!

– Да, ваше величество!

Блестящие рукавицы дернули за канаты, и двери приоткрылись, чтобы она могла пройти.

После роскошного коридора приемная казалась бедной. В центре круглой комнаты стояла всего одна скамья из сандалового дерева с серебряными завитками. От покрытых металлом канделябров, вставленных в простой мрамор, тек золотистый свет. Сизин оказалась перед еще одной дверью, гораздо более величественной и роскошной, чем предыдущая. Она не была высокой или прямоугольной, но округлой и массивной, словно дверь хранилища, в котором лежат половины монет. И неудивительно, ведь за дверью находилось убежище императора; именно здесь отец Сизин укрылся от кровожадных родственников и подданных. Неплохое решение, но крайне неудобное для всех, кто снаружи.

Дверь убежища была окована золотом и медью, и на безупречной поверхности металла были выгравированы сцены древних битв и орды подданных, павших ниц перед пирамидами. Над ними возвышалась королевская печать – корона с шипами и половина монеты, окруженная пустынными цветами, выкованными из стали. В центре двери располагался круг из пяти отверстий. В них не было ни одного драгоценного камня, и их никогда не будет, ведь боги умерли, а это были замочные скважины для ключей, завладеть которыми мечтали все. Дверь украшал только один драгоценный камень – находившийся между замочными скважинами алмаз шириной с ладонь Сизин. В свете ламп от него исходил золотистый блеск. Его называли «замок смерти», ведь он вырвет душу у каждого, кто попытается проникнуть в убежище. Сизин провела пальцами по его похожей на стекло поверхности.

Тот, кто посмотрел бы на дверь внимательно, возможно, заметил бы щели, свидетельствующие о наличии скрытых люков. Один такой люк находился в нижней части двери и по размерам идеально подходил для свитков.

Сизин поспешно провела знакомый ритуал – встала на колени, поклонилась и произнесла приветствие. «Да будет твоё правление долгим и успешным, мой император, сильный телом и разумом, повелитель всего, к чему прикасается солнце. Пусть и живые, и мертвые вечно помнят твоё имя».

Кто-то дважды постучал в дверь. Маленький люк открылся, и из него вытолкнули короткий свиток. Как только Сизин взяла его, люк с лязгом захлопнулся. Она дважды постучала в дверь и стала ждать.

– Отец? Ты меня слышишь? – негромко спросила она.

Вместо ответа кто-то мощно ударил по двери с другой стороны.

– Как хочешь, – проворчала Сизин. – Меня ждёт Облачный двор.

Сжав свиток обеими руками, она выбежала из комнаты; её волосы цвета воронова крыла летели за ней, словно зная.

Несколькими этажами ниже отряд королевских гвардейцев ждал, чтобы сопроводить её в тронный зал; лязг доспехов наложился на стаккато её марша, но не сумел заглушить перебранки придворных. Сизин услышала её задолго до того, как вошла в просторный зал. Солдаты двинулись влево и вправо от неё, а она, шурша юбками по мрамору, заняла своё место между четырьмя высокими колоннами, которые поддерживали потолок.

Сизин посмотрела вверх: там, на высоких балконах стояли роскошные кресла, в которых удобно устроились сто сереков Облачного двора. Полоса из разноцветных шелков, бархата и золота протянулась почти на половину зала. Солнечные лучи лились через наклоненные окна, благодаря чему одна половина сияла, а вторая, находившаяся за ней, была погружена в тень. За окнами раскинулась безоблачная и пустая синева: ни одна башня в городе не была достаточно высокой, чтобы её обитатели могли заглянуть в тронный зал Небесной Иглы.

Она прижала свиток к груди и замерла. Тишина воцарилась не сразу, но как только разговоры и споры увяли, Сизин поклонилась трону в южной части зала – так, словно на троне сидел её отец. Величественное сооружение, сделанное из бирюзового кварца, пустовало. Пять лет прошло с того дня, как император в последний раз сообразовал опустить свой зад на трон. С тех пор император правил через проклятый люк, и его решения сначала доставляла его жена, а теперь – дочь. Его отсутствие делало придворных все более амбициозными, а в этом городе «амбициозный» значило то же самое, что и «замысляющий убийство».

– Сереки! Я принесла очередные указы нашего славного императора! – Сизин подняла свиток повыше. – Возможно, они положат конец вашей болтовне. Неужели придворные вели себя так же невежливо, когда слова императора доставляла императрица?

Разглядывая обиженные лица придворных, Сизин заметила, что пустых мест на балконах больше, чем обычно. Основная причина состояла в том, что сереки боялись покидать свои дома. Даже главные улицы города не были абсолютно безопасными, и чем больше богател аркиец, тем пугливее он становился, и не зря, ведь серек – идеальная добыча для душекрада.

В прошлом месяце исчезли два мелких аристократа, тал Аскеу и тор Йира – и не одни, а со всеми своими призраками. По мнению Сизин, они получили по заслугам. Вот что бывает, когда хранишь половины монет в своих башнях, а не в крупных банках Аракса. Если сидишь на своих богатствах и всецело полагаешься на замки с ключами, добра не жди.

Сизин жалела о том, что её отец не может понять эту истину. Её род построил башню, которая достала до неба, но император все равно прятался в сокровищнице со своими половинами монет.

Подобные события не были редкостью: повседневная жизнь верхних эшелонов власти Аракса вращалась вокруг неожиданных исчезновений, несчастных случаев и преждевремен-

ных смертей. Обычно вскоре после такого происшествия на определенного члена общества внезапно сваливалось богатство – возможно, в результате «удачной сделки» или «смерти родственника». Задурить голову людям можно было самыми разными способами. Если половины монет физически находились в чем-то распоряжении и была возможность провести их Ввешивание, если банки могли получить достаточно убедительные доказательства того, что передача проведена по закону, наследник получал возможность подняться по общественной лестнице. О том, что произошло на самом деле, рассказывали только шепотом, за закрытыми дверями. Такой была великая игра Аракса, но теперь, похоже, кто-то решил сыграть не по правилам.

Половины монет пропавших аристократов никто не тронул. Это было крайне необычно. Зачем участвовать в игре, если не для того, чтобы получить вес в обществе? Судя по числу пустых мест в зале, последние события сделали сереков еще более осторожными, чем обычно.

Сизин развернула свиток и проглядела его, прежде чем зачитать его содержимое вслух. Она подавила вздох: она уже месяц заменяла при Облачном дворе свою мать-императрицу, и за это время указы ее отца стали еще более причудливыми. В них говорилось только о дорогих его сердцу войнах за тени против принцев Разбросанных Островов.

– Указы императора таковы! Десять фаланг Мертвых Крыс перевести в Харрас для защиты наших портов. Прекратить оказывать поддержку принцу Филару и приготовиться к осаде его форта на Корфине. Кроме того, мы должны увеличить наши запасы стали, чтобы повысить ее цену на рынке. – Она помедлила, задержав взгляд на последнем символе. – И это все. Так сказал его величество император.

Повисло молчание. На лицах придворных отразилось недовольство, и наконец один из них – седеющий серек с тонкой бородкой, заплетенной в косицы с помощью золотых нитей, набрался храбрости и заговорил:

– А как же нехватка воды в Никсе, будущая императрица? Наверняка...

Сизин направила свиток на серека, заставляя его умолкнуть.

– Серек, я не понимаю. Ты обвиняешь моего отца в невежестве или в глупости?

– Ни в том, ни в другом, ваше высочество.

– Надеюсь, что нет. Моему отцу прекрасно известно, какие слухи ходят о Никсе. Если он решит, что с этим делом необходимо разобраться, то непременно примет меры.

– Там действительно больше ничего нет? – спросил другой голос.

Она сразу его узнала. Это был серек Бун. Призрак развалился в своем кресле, ярко светясь в полумраке западного балкона. На его груди – там, где у живого человека сердце, – белыми самоцветами было выложено поблескивающее перо. Синяя дымка за пределами пышных рукавов была темнее, чем у других призраков – из-за пожара, который поглотил его тело пятьдесят лет. Очень мало свободных призраков поднялось до такого высокого звания, как «серек» – если не считать тех, кто умер сереком и не попал в рабство после смерти. Бун принадлежал именно к первой, весьма немногочисленной группе.

Сизин посмотрела на призрака, надеясь, что он видит ее притворную улыбку.

Титул «серек» означал «правитель района», но Сизин давно поняла, что сереки, в основном, занимаются не городскими делами, а подачей жалоб императору. Поскольку император по-прежнему владел наибольшим числом призраков, сереки никак не могли повлиять на его решения, но в соответствии с традицией они считались голосами города и поэтому были не только самым богатым, но и самым гордым сословием. Игнорировать или оскорблять их было опасно.

– Вы недовольны, Бун? – спросила она.

– Неужели там нет ничего о насущных делах? О безудержном похищении душ? Может, что-нибудь об исчезновении императрицы? Или, как уже сказал достопочтенный серек Вараст, про слухи о пересыхании Никса? Насчет этого там ничего нет?

– Верно, верно! – одобрительно вскричали другие.

Услышав про императрицу, Сизин с трудом сохранила невозмутимое выражение лица. Об исчезновении ее матери ходило много слухов и домыслов, но Сизин знала правду: ее мать, забыв о своем долге и о семье, бросила свое имущество и исчезла, оставив лишь кусок папируса, с коротким сообщением: «Ушла на восток».

У холодной и немногословной матери Сизин своего убежища не было, но за последние годы она стала столь же недоступной и отстраненной, как и сам император. Сизин была рада, что эта сука наконец-то сдалась. Вместо того чтобы затеять собственную игру, ставкой в которой был трон, императрица сбежала, и теперь Сизин стала единственным голосом короля в Небесной Башне.

Пытаясь выиграть время, Сизин поискала в свитке слова, которых там не было. Сегодня ее отец был странным образом краток и едва заполнил половину свитка. Она развернула свиток еще больше, но увидела лишь девственно чистый папирус. Искушение, которое зародилось в ней уже несколько недель назад, вновь напомнило о себе. Она прикусила губу. *Что еще ей остается?* Сизин подозревала, что ее отец начинает сходить с ума. Он был безмерно увлечен своим убежищем и отказывался покидать его, опасаясь интриг и покушений. И немудрено, ведь, для того чтобы взойти на трон, ему самому пришлось зарезать собственного отца. Правда, несмотря на все меры защиты, власть медленно, но верно ускользала из его рук, и сереки это чувствовали. Сизин решила, что сожжет Небесную Иглу дотла, но не подпустит этих диких псов к своему трону.

– Тишина! – завопила Сизин, и, когда сереки перестали бормотать, ткнула пальцем в пустой кусок в нижней части папируса. – Теперь я вижу, что император добавил примечание. Его императорское величество повелел повысить цену на бочки с водой из Никса, чтобы ограничить ее расход. Похоже, что твои страхи оказались необоснованными, серек Бун. Теперь ты доволен?

Призрак кивнул.

– Отчасти.

Сизин обвела взглядом собравшихся на балконе.

– А все остальные?

Собравшиеся забормотали, неохотно выражая согласие; одобрительный шепот появился и исчез, словно ветер, гоняющийся за листьями. Сизин вздернула подбородок. Кодекс гласил, что подделка указов императора – это в лучшем случае измена. Если придворные почуют обман, то получат отличный повод осудить ее и завладеть ее половинами монет.

Сизин, выросшая в самом центре паутины кровавых политических интриг, понимала, что такое власть. Власть – это не только половинки монет: они обычно приводили к твоим дверям толпу. Нет, власть – это управление толпой. Сизин знала, что лучший инструмент – не стальные рукавицы, и не лучезарные улыбки, и не благотворительность. Задача правителя – выяснить, что нужно толпе, а затем повесить это перед ней, словно кусочки овощей – перед жуком. Сейчас сереки мечтали о действии.

Сизин протянула руки к собравшимся и заставила себя улыбнуться.

– Если это будет угодно серекам Облачного двора, я вызову командира Основной стражи и прикажу ему усилить охрану складов и колодцев с водой Никса. Император, в своей вечной мудрости, непременно увидит, что это разумно. Что же касается ее императорского величества, – добавила Сизин, выдавив из себя еще одну улыбку, – то она занимается семейными делами на востоке, и беспокоиться о ней незачем. Я уверена, что она вернется, и притом скоро.

– Будем на это надеяться, будущая императрица, – отозвался Бун, потирая острый подбородок.

Сизин поспешно вышла, оставив сереков болтать о воде из Никса, дополнительных охранниках и более прочных замках. В сопровождении стражи она поднялась в свои покои.

С грохотом распахнув бронированную дверь, Сизин увидела, что ее слуги-призраки по-прежнему полируют зал. Полирование было одной из тех работ, с которыми тени справлялись идеально: мертвые не оставляли на поверхности сальных отпечатков. Но это не означало, что они работали проворно.

– Вон! – взвизгнула Сизин. – Все вон!

Пока тени собирали свои тряпки и бежали к выходу, из боковой комнаты, сцепив руки за спиной, появился еще один призрак, который явно никуда не спешил. На правой части его лысой головы виднелся V-образный шрам. Сегодня он был одет в мешковатый угольно-черный костюм. К его лицу пятнами прилип порошок, игравший роль грима, но при любом, даже самом незначительном, движении этот порошок отваливался.

Сизин мрачно посмотрела на него.

– Итейн, почему ты постоянно одеваешься как свободная тень? Ты выглядишь нелепо.

Призрак нахмурился, и на лацканы его костюма снова посыпался порошок.

– Когда ты мертв уже десять лет, приятно чем-то себя занять.

– Разве я не загружаю тебя работой? Разве ты не учишься владеть мечом?

– Ну, значит, назовем это «индивидуальностью».

Сизин фыркнула.

– Носи балахон, как все мои тени-слуги. Если нужно, я отдам такой приказ. Ты не забыл, что уже не принадлежишь императрице? Теперь ты – моя собственность.

– Балахон – это для полужизни. Слишком... отдает сектой, ваше высочество, – вздохнул Итейн. – Кажется, мне нужен другой портной. Если серек Бун может красиво одеваться, я тоже...

– Тьфу! Этот долбанный призрак!

Сизин подошла к окну, чтобы посмотреть на стоящие внизу дома и башни. Ее взгляд бегал по морю из белого и коричневого камня, в котором выделялись яркие пятна – навесы лавок на базарах. Улицы тесно переплетались, здания тянулись вверх, районы накладывались друг на друга. Ни пяди земли не было потрачено зря, и там, где город сталкивался с бирюзовым морем, он расползлся по берегу на сотню миль как на восток, так и на запад. Даже сейчас, в этот солнечный день, Аракс скрывался в клубах заводского дыма и пыли, принесенной из пустыни. За всю свою жизнь Сизин ни разу не видела окраины города – Просторы.

– Новости есть, Итейн?

– Новостей в этом городе, ваша возвышенность, всегда хватает. Какие именно вас интересуют?

Сизин зацокала языком.

– О твоем крассе-взломщике!

– О нем – никаких, если не считать того, что он по-прежнему опаздывает. Весьма необычно для человека с его репутацией.

– Ты совершил ошибку, выбрав красса, – раздраженно сказала она и распахнула окно, чтобы услышать рев Аракса, – голоса и звуки шагов, ржание лошадей, крики птиц и лязг инструментов. – Нужно было пригласить не его, а ту госпожу Эверасс.

Итейн поднял глаза к небу.

– Вы сказали, что она слишком известна, и вряд ли захочет ввязаться в это дело.

Сизин мрачно посмотрела на него.

– Я снова должна напоминать тебе о твоем положении, тень?

Он пожал плечами.

– Вероятно, его судно застиг шторм. Летняя жара заставляет море волноваться, делает его таким – поэтому оно и получило свое название. Бьюсь об заклад, что через несколько дней он прибудет в порт, и тогда вы сможете заняться вашими... – он пошевелил пальцами, – ... делами.

Будь на его месте другой призрак, Сизин достала бы медную кочергу и устроила бы ему взбучку. Но Итейн Талин – не обычный раб. Да, он мог раздражать, но он – член семьи, дальний пра-пра-пра-кто-то. Его поработили более ста лет назад, когда чья-то стрела вонзилась в его череп в ходе дворцового переворота, и с тех пор он служил роду Талин-Ренала. До недавних пор Итейн принадлежал матери Сизин и был ее личной тенью и телохранителем, и поэтому в Небесной Игле к нему проявляли чуть больше почтения, чем ко всем остальным призракам-слугам. Он, к тому же, практически вырастил Сизин, ведь императрица была слишком занята. Данный факт не заставил Сизин испытывать чувство благодарности к Итейну, а лишь усиливал ее ненависть к матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.